

A dramatic movie poster featuring a close-up of a man's face, identified as Captain Christopher Boyd. He has dark, wavy hair and a serious, intense expression, looking directly at the viewer. He is wearing a dark, ornate pirate-style hat with a gold-colored emblem on the side. The background is dark and atmospheric, filled with swirling white smoke or mist. In the lower right, there are hints of a red garment and a sword hilt. The overall lighting is moody, with highlights on the man's face and hat.

Капитан
КРИСТОФЕР
БОЙД

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИРАТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Яна Келий

Капитан Кристофер Бойд

- история одного пирата

<https://litres.ru/74040786>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир запомнил человека по имени Кристофер Бойд не за благородное происхождение, а за безжалостность, обрaмлëнную в манеры истинного джентльмена.

Он мстил испанским парусам за предательство, сеял страх и восхищение, пока однажды его корабль не прибыл к берегу, где судьба решила изменить курс.

Это история о море и крови, о чести и любви.

О человеке, перед которым встал выбор: мстить до конца или отпустить все обиды, чтобы начать новую жизнь.

Яна Келий

Капитан Кристофер Бойд - история одного пирата

Пролог

На берегу Карибского моря в практически безлюдной части острова Тортуга, где волны шепотом доносили легенды о невероятных приключениях моряков, а яркое солнце, словно золотая монета, отражалось в лазурной глади, стояла одинокая старая таверна с полусгнившими от сырости деревянными окнами, скрывающаяся среди высоких пальм и живого забора из колючего ядовитого кустарника. Днём она казалась мёртвой, но с наступлением сумерек оживала, наполняясь криками, смехом и музыкой. В таверне стоял привычный вечерний гомон: разноголосые разговоры, стук кружек, скрип табуретов и запах пота вперемешку с запахом дешевого рома.

В одном из таких вечеров, в темном дальнем углу, куда практически не доставал свет, сидел сгорбленный силуэт и жадными глотками допивал горючую смесь из глиняной большой кружки. Один. За целым столом, где могли уместиться человек шесть. Несмотря на тесноту и полное отсутствие свободных мест, никто не рискнул нарушить одиночество угрюмого пирата. Над его плесневелой шляпой жадно

вились мушки, а из-за въевшейся грязи и слоя пыли было невозможно разглядеть золотой рисунок, что ранее украшал дорогой бархатный темно-красный камзол капитана. Черные потрепанные местами атласные штаны отдавали мочевиной и были небрежно заправлены в кавалерские сапоги из коричневой телячьей кожи, что насквозь пропитались кислым неприятным запахом протухшей рыбы. Нельзя сказать, что всё перечисленное являлось серьезной причиной избегать зловонного угла, так как постояльцы таверны сами не блистали ни чистотой, ни нравами, чем этот загадочный силуэт. И всё же, отчего-то, моряки предпочитали жаться за одним столом – толкотня была привычнее, чем соседство с тем, чьё присутствие хотелось не замечать. Мрачного угла не опасался только трактирщик, который тесно был знаком со своим постояльцем и делал всё возможное, чтобы никто не нарушил его покой. За щедрое вознаграждение, разумеется.

Пират сделал жадный глоток рома, обмочив густую черную бороду, в которой со временем завелась жизнь, внося в будни мужчины невыносимый зуд. К счастью для него, состояние перманентного опьянения позволяло считать это мелочью. Он лишь посильнее надвинул на лоб свою капитанскую треуголку, из-под которой струились засаленные спутанные пряди волос цвета вороного крыла, спрятав за ними иссечённое шрамами упрямое, но приятное лицо. Всё, что осталось от прежнего капитана — это холодные, бездонные глаза цвета ночного океана перед бурей, и сильные муже-

ственные острые скулы, которые приводили всех дам в восторг и лишали покоя.

Он сделал последний глоток содержимого в кружке, прежде чем потерять сознание. Его голова с грохотом рухнула на деревянный добротный стол, но окончательно погрузиться в дрему не дал разговор двух контрабандистов неподалеку. Его не волновали сплетни, что с упоением обсуждали каждый вечер заблудшие души, но в этот вечер всё было иначе: толи скука заставила его обратить внимание на разговор, толи раздражение, что он испытал на долю секунды от упоминания Испании, что всей душой ненавидел.

Моряки сидели неподалёку и как будто нарочно вели беседу очень громко, сильно жестикулируя.

— Слыхали, Испания, наконец, снарядила свой королевский флот на поиски этой выскочки! Говорю вам, я бы с радостью скормил эту падаль акулам, да без капитана у руля тут каждый сукин сын тянет на себя одеяло! — выпалил молодой мужчина по имени Грог, чья лысина была обезображена ужасными шрамами и свежими порезами.

Его собеседником был Франко по прозвищу «Краб». Кудрявый рыжий контрабандист в годах размером с бочку, впрочем, и внешне был похож на краба, благодаря своему небольшому росту и выпирающему животу. Мужчина был довольно дружелюбен для нарушителя закона. Его пухлые щеки всегда украшали милые ямочки, когда он улыбался, однако в этот вечер его добрые карие глаза были полны грусти и тре-

возможности.

Крутя в пальцах старую, затертую монету — один из способов успокоить дух, — Франко в ответ пробормотал:

— Ох! Не хотел бы я играть с судьбой, а потому нам лучше здесь переждать пока всё не утихнет. Говорят, сам морской дьявол держит души ее жертв у себя в темных глубинах. И страшной её ярости, — он понизил голос, глядя через плечо в сторону одинокой фигуры в углу, — пожалуй, бывалая слава капитана Бойда. Да, только где она сейчас?

Третьего, что сидел рядом с контрабандистами, звали Боб. Пару лет назад служил на судне у немало известного в этих краях работорговца Франциско Санчеса. Несмотря на то, что Боб ходил под каперскими парусами, он имел немалое уважение среди пиратов. В том способствовала прямолинейность и честность, что нарушители закона, на удивление, сильно выделяли из всех известных качеств присущие человеку. Совсем недавно, после потери ноги в последнем бою с французами, мужчина покинул службу, отплыл с первым торговым судном к берегам Тортуги и отныне все свое время проводил в таверне за игрой в кости.

Что ещё можно сказать об этой троице, которая никак не была связана между собой общими делами, так это то, что все трое были трусливы и по-своему жалки. Грог из обычного уличного воришки со временем обзавелся славой контрабандиста, толкая всё, что запрещали метрополии, но с удовольствием пожирали колонии: от табака до серебра. И всё

же парнишка по-прежнему оставался вором, потому не брезговал обчищать и обманывать собственную команду и своего капитана, из-за чего в последствии кочевал из одного судна к другому. Добряк Франко занимался контрабандой рома и других горючих жидкостей, и за весь свой путь ни разу никого не убил. Но не потому, что был чист душой, а лишь потому, что боялся последствий и дорожил своей шкурой больше всего на свете. Он был надежным партнёром не потому, что ценил людей и слово, а потому что ценил монеты, а, как известно, предательство снижает цену имени. Он, может, и предаст однажды, но только если взамен приобретет что-то более стоящее, чем уважение человека, которого решит предать. Одноногий Боб за годы верной службы ни разу не задал себе вопроса, правильно ли он поступает. В руке его плеть никогда не дрожала, когда пред ним оголялись спины неукротимых рабов, и голос совести никогда не нарушал его спокойное сердцебиение. Потому что голос этот был давно утрачен, и сам Боб об этом нисколько не жалел. Он потерял в бою не только ногу, но и душу, но так любил всех поучать и вызывать в ней.

С решительностью, не лишённой некоторой театральности, одноногий поставил кружку на стол и смело обратился к мрачной тени в углу:

— Эй, Кристофер! Сколь много лишилось море с твоим отсутствием! Уверен, одно лишь твое появление заставило бы здешнее общество образумиться.

Силуэт в углу вздрогнул, сопровождая едва заметное движение хриплым басом, будто вырвавшийся с самого дна океана:

— О ком вы толкуете? — фигура тяжело прокашляла, сплевывая на стол кровавый сгусток.

Следует отметить, что пират позабыл, когда ему в последний раз доводилось вести беседу, а потому горло раздирало наждаком после каждого изреченного слова.

— За этот год ты многое пропустил, брат! — отозвался Грог и внезапно оказался у его стола, по-свойски вонзив кинжал в залитую ромом прогнившую древесину.

Кристофер слегка приподнял голову и на смелого парнишку устремились два глаза, тёмные, как сама бездна, хранящие столько же ужаса и тайн.

— Все мои братья давно уже переправлены на ту сторону. И ежели тебе еще дорога твоя лысина – вернись на место!

— Грог, оставь его! — позвал матроса кто-то из друзей.

Контрабандист ретировался на место, и вместо него продолжил речь «Краб»:

— В море появился пират, Кристофер, уносящий жизни всех испанцев, что встречаются ему на пути. Корабли исчезают, люди тоже. И молва приписывает сии беды одной женщине, чья красота, как говорят, столь же опасна, сколь и совершенна.

Грог явно не питал теплых чувств к обсуждаемой особе, потому что после слов матроса он нервно провел рукой по

свежим порезам на своей лысине и с ненавистью выплюнул:

— Флибустьерская девка она, а не пират!

— Не желаю слышать ваши сказки про юбки! — оборвал их Бойд с полным безразличием в голосе.

Он отвернулся к одинокой стене таверны, прикрывая веки, одолеваемый внезапной усталостью. Беседа окончательно утратила для него всякую занимательность.

— Будьте тише или заткнитесь вовсе! Не стоит напрасно тратить воздух в этом и так душном месте.

К слову, в таверну прибывало все больше и больше народу. Столы и бочки были заняты завсегдатаями, которые и днем и ночью играли в кости, пили ром да зажимались с местными подавальщицами. Остальные же моряки танцевали, пели, попутно устраивая драку под ритмичные звуки мандолины и дудки.

Но трио, что сидело неподалеку от пирата, всё не унималось.

— Это не просто девка, она уже потопила часть флота того маркиза, за кем сам ты когда-то гонялся! Король объявил охоту за ее головой!

— Мне какое дело до этого? — безразлично отозвался Кристофер. — У меня одно желание — находиться в тишине и покое. Проблемы короля и его шестерки меня уже давно никак не тревожат.

Грог вновь молнией пронесся мимо стола пирата, оставив на нем старый замусоленный кусок пергамента с изображе-

нием преступницы.

— Если ты действительно тот самый капитан, про которого я так много слышал и которым когда-то восхищался, то ты выбрал не лучшее место для забытья. Смутное время сейчас в море: с одной стороны король, с другой эта морская ведьма! И мы тут, как крысы в трюме!

— И чем вам помешала самоуверенная девка, что, наверняка, даже не знает, как держать штурвал? — устало выдохнул Бойд. — А что до испанской короны, то власти во всякую эпоху питали странную склонность затруднять дыхание таким натурам, как ты, матрос, но то никого не удерживало от славных дел.

На этот раз выступил Боб, преодолевая расстояние к столу Кристофера чуть-чуть прихрамывая своей деревянной ногой.

— Говорят, она так красива, что мужики теряют головы, а потом и жизни. Только ты на мою память был холоден, как сталь. Молва ведь не врёт про тебя, верно?

— Я оставил это в прошлом вместе с кораблем и командой, что канули навечно в ледяной ад океана!

— Ах, для такой речи нужен алтарь, а не прогнившая таверна! — цокнул Боб.

Лицо пирата с болью скривилось, но никому не удалось это заметить, так как он вновь отвернулся к стене.

Разговор подхватил Франко, рискнув сесть напротив бывшего капитана Бойда.

— Кто из нас не терял друзей и судна? У каждого здесь своя цена заплачена. Вон! За тем столом сидит Тристан. Гляди! Глаз потерял и место на судне. Боб, вот, ногу. Но мы всё еще тут!

— И пока святая дева Мария даёт нам силы дышать, мы будем противостоять этим новым правилам, что стоят нам поперёк глотки. Мы не бежим от нового времени, мальчик мой, пусть даже его ужас заткнет за пояс всех демонов, что мы повидали за всю свою жизнь! — Закончил речь товарища Боб.

— Право, как забавно! — горько усмехнулся Кристофер. — Слышать рассуждения об ужасе от вас, трюмные крысы, чье понятие о несчастье исчерпывается потерей горсти монет, благосклонности продажной женщины и отсутствием рома в кружке. И кому вы дерзаете вешать эту лапшу о вашей славной битве с властью? Мне? Кто как никто другой знает, что из себя представляет эта битва!

Кристофер, с проницательным прищуром осмотрел собеседников, вскрывая скелеты один за другим, перечисляя былые промахи с точностью корабельного клерка, ведущего судовой журнал.

В конце лишь добавил:

— Что до корабля и команды, коих я лишился, позвольте заметить, я потерял не судно, а родной дом и семью!

Наступила неловкая пауза. Каждый моряк знал о трагедии пирата, но их знания были лишь верхушкой айсберга. Кари-

бы были встревожены, когда узнали о загадочном кораблекрушении знаменитого и непотопляемого пирата по имени Кристофер Бойд. Капитана и правда не унесла бездна в тот день, но вот вся его команда вместе с кораблём ушли на дно. Что именно произошло никто не знал. Шли разные слухи начиная от сильного шторма, заканчивая дурацкими байками о морском чудовище. И легенд на основе этих слухов было так много, что со временем имя капитана было исковеркано, а его величественный фрегат, вдруг, в чьём-то пересказе стал еле державшейся на волнах бедной украденной шхуной.

Вскоре тишину нарушил грохот перевернутых бочек и чей-то крик. Юнга, не поделив подавальщицу, сцепился в драке с крепким матросом, и таверна забурилась словно котёл с кипящей водой. Молодой матрос, которому было не больше двадцати, схватился за горлышко бутылки и ударил первым. Его соперник, одноглазый великан с якорем, набитым на плече, даже не моргнул. Он просто откинул юнцу челюсть назад, как крышку сундука, и швырнул его через стол. Чаши и блюда низринулись со столов, следом послышался пронзительный вопль дамы в корсете, которая вступила в схватку с соседкой, ухватив ту за волосы. В шуме перевернутых бочек, битой посуды и всё ещё играющих музыкантов, раздались тревожные возгласы: «Гвардия! Резня! За губернатора!». Но то было не что иное, как паническое эхо страха, что обитал на проклятой земле.

Моряки, что доселе устаивали Бойда своей беседой,

поднялись со своих мест, прячась в тени угла. Боб отступил к стене, и хрипло кряхтя, оперся на костыль; Франко, сжимая в кулаке свою монету, по привычке пробормотал заученную молитву; а взгляд Грога метался от одной драки к другой в поисках выпавшего мешочка с серебром и медяками, или, хотя бы, вылетевшего из чьего-то рта золотого зуба.

Кристофер Бойд, чей покой был нарушен, не шелохнулся, не издал не единого звука, наблюдая за хаосом царившей в таверне. Буйство вокруг него было как шторм вокруг мачты: всё рушилось, а он оставался неподвижен. Только глаза блестя и, глядя в них, можно было увидеть глубину, в которую лучше никому не заглядывать. Глубину, в которой жили демоны и невыносимая боль прошлого.

Он медленно поставил кружку, тяжело встал будто поднимал с морского дна не своё тело, а якорь, и лишь одним словом заставил время остановиться.

— Тише!

Бойд медленно пошёл вперёд, волной надвигаясь на толпу, хлопая себя по штанам, в поисках давно пропитого пища. Но необходимости в выстреле всё же не было, так как таверна расступалась сама, пьяницы умолкали и даже одноглазый, что только что смачно грохнул юнца об стойку, замер, ожидая опасности от приближающейся фигуры.

Кристофер подошёл к центру зала, где валялся нож. Поднял его двумя пальцами и завертел в руке, окидывая взглядом всех присутствующих. Окровавленные глазные яблоки с

желтоватым оттенком неприятно пощипывало от яркого света свечей.

— Это место стонет от ваших воплей, словно девка в борделе, когда нечем заплатить, — медленно сказал он. — Полагаю, вы по недоразумению приняли наше скромное заведение за нечто совершенно иного рода. Так вот, господа, к вашему сведению, не всё место, где подают ром, заведомо является ареной для буйства с возможностью швырять мебель и бить посуду!

Он подошёл к юнге, валявшемуся в луже рома и крови, и наклонился.

— Даже среди пиратов существуют определенные условности, парень, коих приличные люди обязаны придерживаться.

Юноша дрожащей рукой потянулся вверх, и в это время Кристофер подтянул его за ворот, словно дохлого котёнка, швыряя в сторону двери.

— Исчезни!

Потом посмотрел на одноглазого, под чьи взором нарушитель испытал невольное смущение.

— Я... я ничего... он первый! — пробормотал тот, внезапно став мальчиком, но потом, набравшись смелости и выпятив грудь колесом, пробасил: — А ты вообще кто такой?

— Это не имеет никакого значения, матрос!

— От чего же, если меня это интересует?

Из толпы кто-то выкрикнул:

— Да это же капитан Бойд!

— Будто сам из преисподней вышел!

Пират, игнорируя сказанное, медленно подошёл вплотную к собеседнику, храбрость которого с каждой секундой растворялась, как сахар в горячем чае, и касаясь его своим гнилым дыханием, произнес с ледяной учтивостью:

— Осмелюсь предположить, что благоразумие подсказывает вам ретироваться прежде, чем обстоятельства примут совершенно нежелательный оборот. Добавлю, что я не намерен ждать.

Мужчина, не удостоившись чести дальнейших объяснений, отступил, споткнувшись о собственную ногу, чем оказался в положении унижительном для всякого джентльмена. Его уверенность и дерзость окончательно утратила свою силу, а потому последующее его движение к выходу более напоминало ползок, нежели достойное отступление.

Воцарилась тишина, столь глубокая, что казалось, даже морские птицы за пределами таверны почтили ее своим молчанием. И сквозь эту тишину прозвучали первые одинокие хлопки, сопровождаемые голосом Боба, в коем читалось неподдельное одобрение.

Кристофер никак не отреагировал на восхищение присутствующих, а равнодушно направился на свое место.

Но троица по-прежнему настаивала на своём. И одноногий матрос вновь обратился к пирату:

— Ловко ты одним своим словом заставил заткнуться

этих невежд! Уверен, так же ловко ты сможешь заставить нарушителя в море прекратить провоцировать испанскую корону.

— А вопрос с судном мы решим! Ходят слухи, что пока капитан Бейн не выходит в море, всё проводит время с Изабеллой, — подхватил «Краб». — Позаимствуем «Зелёного Беса» да покончим с этим бесчинством в море. Капитан всё равно еще долго у Беллы пробудет, пока она ему все раны не зализает.

— И не только раны! — заржал рядом сидевший насквозь пропитый моряк по кличке «Гнилой зуб». Прозвище полностью соответствовало худощавому мужчине, чья улыбка демонстрировала единственный передний нижний зуб во рту, от которого исходил весь спектр зловония.

— Хороша чертовка! Бывал я один раз у нее в молодости. Ох, а какие у неё мягкие... хы-хы... покои.

Резко прервав пьяный лепет старого матроса, с нажимом продолжил Боб, со всей серьезностью глядя на Бойда:

— Говорю тебе, найдём мы судно! И команду подберём, не сомневайся! Нам нужен только капитан! Такой как ты, Кристофер!

Бойд удостоил красноречивого взгляда томно развалившегося на табурете субъекта, известного под колоритным прозвищем, в то время как тот как раз имел неосторожность чихнуть прямо в свою кружку с элем, выплеснув туда всё содержимое своего волосатого бородавчатого носа. За сим по-

следовало короткое хмыканье и полностью осушенный кубок. И сей жест ясно дал понять окружающим, какого мнения будет придерживаться на сей счёт Кристофер.

— Команду подобного рода? — с тончайшей нотой сарказма в голосе изволил он уточнить, легким движением головы указав на ранее упомянутого персонажа. — Не смей меня, Боб! С таким сбродом я бы и на рыбалку не вышел, не то, что в море.

— Ну, извини, капитан! — развёл руками одноногий, не обижаясь. — Из того, что есть, выбираем! Ты ведь сам понимаешь: времена нынче не те, а ты... ты сейчас, скажем так, не на пике славы. Не жди, что к тебе в очередь выстроятся всякие ушлые корсары.

Он выдержал паузу, бросив на Кристофера взгляд, полный как сочувствия, так и доли насмешки:

— Но будь уверен, что даже в таком виде тебя вполне хватит, чтобы разобраться с этой... как её... девицей. Тьфу! В конце концов, женщине не место в море, сам ведь знаешь!

Боб ненавидел женщин. Можно было с лёгкостью признать, что этот малодушный чёрствый человек вряд ли вообще умел любить. В остатках его темной души царила лишь ненависть ко всему живому. Если задаться вопросом, ради чего он жил, то ответа бы не нашлось.

— У девицы имя есть, — напомнил товарищам Грог, — странное, правда, для европейской мордашки.

— И какое же? — уточнил одноногий, любопытствуя.

— Поговаривают её Мэйга зовут!

— Мэйга? — прыснул со смеху «Гнилой Зуб», по-прежнему грея уши и участвуя в беседе, где он явно был лишним.
— Помню, в молодости...

— Да закрой уже свою беззубую пасть! — рывкнул Грог, отворачиваясь от матроса, перекрывая ему весь обзор их компании своей широкой спиной.

Как только в воздухе повисло загадочное имя пиратки, время для капитана Кристофера Бойда застыло. Мир вокруг, казалось, замер в гуще табачного дыма и пролитого рома, как и когда-то его разбитое израненное сердце. Всё замолкло: гул таверны, грохот кружек, даже скрип старых досок под сапогами. Только глухой стук тяжело отдавался эхом в его груди.

Через несколько секунд ступора, обернувшись для него целой вечностью, Бойд словно очнулся, резко втянул в себя воздух и бросился к столу, где оставил пергамент, тот самый лысый парнишка Грог.

Бумага впитывала ром, темнела по краям, но слова или, точнее сказать, образы ещё можно было спасти.

— Свет! Немедленно, чёрт бы вас побрал, несите свет! Здесь слишком темно! — выкрикнул он с хрипотцой в голосе, разглаживая пергамент дрожащими пальцами. — Скорей же! Я не могу разглядеть лицо!

Неровное пламя осветило лист, и на нём проступил тот самый знакомый образ, что уже разгорался в памяти капита-

на, как только он услышал загадочное имя.

На листе был запечатлен портрет молодой особы, чья красота обладала поистине опасной притягательностью. Черты её были отмечены той смесью гордости и горечи, что способна смутить самую стойкую душу. Большие, исполненные немого укора глаза, казалось, видели насквозь всякого, кто дерзнул кинуть ей вызов. И Бойд невольно отпрянул, сраженный этим пронзительным взглядом, что достиг самых сокровенных глубин его существа. Взгляд пирата скользнул к линии изящного носа и упрямо сжатым губам, будто затаившим в себе бурю невысказанного гнева. Затем подметил, что на портрете вся красота её волос была спрятана под строгую треуголку, но даже эта вынужденная мужественность лишь оттеняла её дерзкую, почти вызывающую женственность. Впрочем, без всякого сомнения, художник был искусен и умело запечатлел безупречность линии черт лица красавицы. Однако, даже величайшее мастерство не в силах было заключить в рамки холста то, что таилось в глубине зеленых глаз, в которые Кристоферу посчастливилось смотреть лично.

За спиной Бойда раздались сдавленные восклицания. Несколько матросов заглянули через плечо капитана и, как по команде, замерли. Один лишь старый боцман, не отрывая взгляда от пергамента, пробормотал:

— Призрак морей, а не женщина!

— Не может быть... — прошептал Бойд, одними губами,

будто боясь, что слово разрушит всё.

Он знал эти глаза, губы и ту силу, которую они несли. И всё же, она изменилась за последние два года. Впрочем, как и он сам. В голове его зазвучали слова, когда-то сказанные в полумраке каюты, на исходе шторма: «Я тебя люблю!». И с этим воспоминанием Бойд медленно опустился на лавку, глядя на портрет, словно пытался заглянуть за нарисованные черты, чтобы вновь почувствовать ее цветочный запах и ощутить прикосновение ее мягкой кожи.

Все были очарованы, а молодой Грог в глубине души воспылал неукротимым желанием.

— Вот ведь красивая ведьма! — признался контрабандист, почесывая лысину. — Теперь понимаешь, Бойд, что только такой бесчувственный сапог, как ты, может отправить на дно эту жемчужину. Ни у кого не поднимается рука, только лишь одно место.

Следом раздался смех всех собравшихся возле стола мужчин. Глупая и довольно заурядная шутка от души их позабавила, но не Кристофера, после которой его сердце наполнилось яростью.

— Не вздумай говорить о ней в таком тоне!

Обезумевший от гнева пират, сильно ударив кулаками по столу, заставил всех в таверне вновь сохранять тишину.

— Тише, тише, Бойд!

Франко вместе с Бобом схватили капитана за плечи, искренне обеспокоенные его поведением.

— Ты узнал ее? Кто она?

Кристофер молча поднялся из-за стола и медленно побрёл к выходу, будто очнувшись от глубокого, многолетнего сна. Шаги его были неуверенными, а растерянный взгляд блуждал по таверне в поисках ответов на многочисленные вопросы. Он оглядел свой любимый камзол, когда-то роскошный, цвета красного вина, с золотыми пуговицами, в полном недоумении от нашивок, что были оторваны и грязной ткани, что потускнела, пропитавшись чем-то затхлым. По пути он придерживал штаны, сшитые под заказ, посадка которых подчёркивала когда-то его стать, а теперь они истёртые и рваные, едва держались на поясе. И сапоги... о, его любимые, добротные кожаные сапоги! Глядя под ноги, он наблюдал их покрытые плесенью носки, словно вытащены из трюма, где годами лежали в сырости и забвении.

Бойд поднёс руку к лицу и в ужасе замер. Густая, спутанная борода кололась и чесалась, словно чужеродный нарост.

«Борода?! У него, у Кристофера Бойда, который каждое утро начинал с бритья, как святого ритуала?!» — задавался вопросом пират.

Его гордость — гладкое лицо и острые линии подбородка, которые вдруг исчезли под варварским покровом.

Резко сдёрнув шляпу, он вздрогнул от облегчения: голова слегка прояснилась, но тут же его накрыла новая волна отвращения. От него несло мочой, рвотой, потом, старым элем и чем-то ещё... нечто гниющим. Его собственный запах был

как удар под дых. Кожа зудела, как после укусов морских вшей, и казалось, что, если содрать с себя всю верхнюю оболочку, то станет легче.

«Как? Как я дошёл до такого состояния?» — вновь спрашивал себя человек, который некогда славился своей педантичной любовью к чистоте, дисциплине, порядку на борту и в себе. Кто мог по запаху отличить ром десятилетней выдержки от дешёвой браги, теперь пил всё, что горит, и не помнил вчерашнего дня.

Но среди всего этого кошмара вопрос за вопросом пронзали его разум, как гарпун. Его тревожила мысль, что никому неизвестная и позабытая Мэйга Мари теперь в розыске у самого короля Испании.

Дверь таверны с грохотом захлопнулась. Он ушёл, оставив ошарашенных посетителей с недопитыми кружками и немymi вопросами.

Только сквозняк ещё какое-то время носил по залу запах рома, гнили и только что потревоженного прошлого.

I Глава

Перенесемся на пару лет назад — в тот миг, когда мисс Фортуна, не спрашивая капитана Бойда, изменила его курс, а попутный ветер ещё благоволил его кораблю.

Алые паруса «Кровавого Возмездия» рассекали небо, наполняясь ветром будто легкие воздухом. Несколько недель

корабль пребывал в объятиях безбрежной стихии, когда взору Кристофера Бойда, не без помощи подзорной трубы, предстало торговое судно. Оно было невелико, но не лишено быстроходности, а белизна его парусов, сверкающих под лучами солнца, могла бы посрамить свежевывстиранную кисею.

— Идти на всех парусах! — возвестил капитан, не отрываясь от подзорной трубы. Уста его тронула многозначительная ухмылка.

— Но, капитан! — осмелился возразить ему боцман, в чьём голосе читалась явная тревога.

— Я в совершенстве осознаю свои действия! — стальным тоном оборвал его Бойд, не отрываясь от наблюдения за вожаделенной добычей. — Как подойдем ближе — сойтись якорями!

— Да, капитан!

«Кровавое Возмездие» медленно приближалось к цели, и Бойд чувствовал, как кровь закипала в его жилах. Подобные предприятия отнюдь не являлись для него новизной, но всякий раз его охватывало то самое волнение, что заставляет сердце биться с особой решительностью.

Собрав команду на палубе, капитан встал свидетелем, как по мере их собрания в воздухе воцарялась та многообещающая напряженность, что обычно предшествует событиям, способным обогатить либо значительно сократить состав экипажа.

— Все по местам! — прокричал он, поднимая руку, чтобы

указать направление. — Мы не в праве оставить без нашего внимания очередную испанскую посудину! Посему предлагаю действовать в соответствии с нашими давними и, надо признать, весьма успешными традициями.

Кристофер встал на капитанский мостик, его глаза горели решимостью. Он знал, что нападение на еще одно испанское судно может привести к конфликту с королевской короной, но осознание опасности лишь придавало предстоящему предприятию пикантную остроту, подобно капле острого соуса, коей умелая рука повара оживляет пресное блюдо.

Когда торговое судно уже стало более четким на горизонте, Бойд быстро оценил расстояние и скорость. У него было всего несколько минут, чтобы решить, как действовать дальше.

Ветер продолжал дуть в их паруса, и «Кровавое Возмездие» стремительно мчалось вперед, словно предвкушая предстоящую схватку. Не оставалось ни малейших сомнений в том, что пиратский корабль вновь докажет своё превосходство. Все, кто знал море, хорошо усвоили простое правило: при появлении на горизонте алых парусов и бронзовой фигуры дамы, чье смелое декольте вызывающе контрастировало с туго стянутым корсетом, благоразумнее всего сложить оружие и предаться молитвам. Что торговое судно и проделало, едва различив очертания легендарного фрегата.

На палубе захваченного судна взорам капитана Кристофера Бойда и его команды предстал пожилой торговец, чья

бледность и смущение говорили красноречивее любых слов. Мистер Томас Карлсон, за двадцать три года проведенных в море, безусловно, имел честь сталкиваться с джентльменами удачи, но до сей поры ему неизменно удавалось избегать неприятных последствий. Во многом, безусловно, благодаря испанским флагам, что столь величественно реяли на его мачтах, и официальному покровительству Диего Мирса, маркиза де Оро Фанго. Следует отметить, что мистер Карлсон занимался перевозкой не только дорогих тканей и пряностей, но и в прошлом являлся портным большинства влиятельных особ Валенсии, из-за чего обладал тем уникальным доступом в высшее общество, что ценится куда выше любого груза. А уж имя самого патрона, произносимое обычно в почтительном полусшепоте, принадлежало не просто аристократу, а политическому игроку, чье влияние простиралось далеко за стены дворцовых покоев.

И теперь торговец стоял в мучительной действительности: с одной стороны лелея надежду, что имя его покровителя послужит надежной защитой, с другой же, с ужасом осознавая, что именно эта связь и привлекла к нему столько нежеланное внимание капитана Бойда.

Пока пираты обезоруживали вражескую команду, капитан «Кровавого Возмездия» с видом знатока, лишённого, впрочем, излишнего любопытства, обозревал новое приобретение. Судно представляло собой образец надежности и изящества, созданный для долгих странствий в поисках экзо-

тических товаров для высшего общества. Вдоль борта располагались небольшие крепления для канатов и снастей, а также несколько удобных мест для отдыха матросов. Вся палуба была покрыта отполированными до зеркального блеска деревянными досками, которые ослепительно сверкали на солнце. Создавалось ощущение, что корабль будто только что изготовили. Но подобная ухоженность вызывала скорее легкую иронию, нежели восхищение, ибо напоминала не столько грозное морское судно, сколько щегольский экипаж, предназначенный для увеселительных прогулок аристократии.

Пожилой владелец данной роскоши нервно потрепал ворот своего бархатного дублета, жадно глотая воздух, обращаясь к капитану пиратского судна:

— К-Кристофер! — нервно прокашлял имя капитана Томас Карлсон, приветствуя незваного, но тем не менее уж очень хорошо ему знакомого, гостя. — Рад видеть тебя вновь, даже при таких обстоятельствах.

Бойд, расправив плечи и приподняв свой гладкий мужественный подбородок, произнес с явным пренебрежением в голосе:

— Томас! И я рад встрече! В особенности, что в который раз очередная посуда королевского прихвостня переходит в мои владения!

Однако столь блестящее настроение капитана, увы, не разделял его давний товарищ и квартирмейстер «Кроваво-

го Возмездия», чьё лицо выражало скорее озабоченность, нежели ликование. Рамон был высоким, смуглокожим мужчиной, чьи мускулистый стан и осанка выдавали в нем человека, привыкшего к тяготам не только морской жизни, но и бывалой рабской ноши. И хоть их судьбы с капитаном были, безусловно, разными, однако долгие годы знакомства позволяли квартирмейстеру выражать свое мнение с прямотой, непозволительной для остальных членов команды.

— Крис, не похоже, что на судне есть что-то стоящее — уж быстро сдались. Судно не потрёпанное временем и битвами, а потому кроме самого корабля брать нечего.

Капитан шествовал по палубе с той мерной, покачивающей поступью, что словно бы вторят скрытому ритму морских волн, придавая его триумфальному шествию некий природный, почти предначертанный характер.

— Ты верно подметил, друг мой, само это почтенное судёнышко уже оправдывает все наши труды погони! И я не смел предполагать даже, что спустя столько лет, вновь повстречаю в море покорного слугу недоумка Мирсса. Какими судьбами, Томас? — с наигранным театральным удивлением спросил он старика.

Владелец «Нежной Джулии» как только услышал свое имя натянулся как струна и не отводя свой потухший от старости взор, поспешил с ответом:

— По велению его милости держу курс в поисках новых тканей.

— Слышал, Рамон! Весь трюм забит золотом не иначе!

Голос Бойда был задорным, а его тщательно выбритое лицо озаряла улыбка, исполненная такого озорства, что могла бы сойти за мальчишескую, не имей она в себе некой завораживающей безрассудности. Лёгкое безумство в чертах капитана, не ускользнуло от внимания портного, и в душе его зародилось тревожное подозрение, что перед ним предстал уже не тот Кристофер Бойд, коего он имел честь знать в былые времена. Что до самого пирата, то в уме его уже роились соображения относительно дальнейшей судьбы нового приобретения, ибо сие судно становилось уже тринадцатым по счету в его коллекции — двенадцать предыдущим владельцам, как не без удовольствия отметил про себя Бойд, посчастливилось обрести вечное пристанище в морской пучине.

— Что же с тобой стало, Кристофер? — с легкой дрожью в голосе произнес эту фразу Томас.

Слова повисли в воздухе. Он смотрел на капитана «Кровавого Возмездия» с неподдельной заботой и печалью, как будто пытался разглядеть в его взгляде остатки того человека, которым тот когда-то был. Старик наклонил голову, словно подчеркивая важность момента, и его глаза заблестели от воспоминаний о лучших временах, когда Кристофер был полон надежд и мечтаний. Когда ещё был наивным мальчишкой с широкой и светлой душой.

Настроение пирата в миг переменялось, как и ветер, что с

силой врезался в паруса «Нежной Джулии» раздувая их как иглобрюха. Его голос утратил все былые игривые нотки, тяжелея с каждым словом, словно свинец. Медленной, размеренной поступью он приблизился к штурвалу, и его длинные пальцы с нежностью, граничащей с угрозой, скользнули по корпусу, сработанному из дорогого красного дерева. На мгновение он замер, задержавшись на позолоченной надписи, содержащая информацию о невероятной щедрости маркиза де Оро Фанго. Про себя отметив, что старая каракка мистера Карлсона, палубу которой он когда-то натирал до блеска днём и ночью, ещё мальчишкой, была куда симпатичней и уютней — лишённая всякого показного величия испанской аристократии. И в те давние, ещё славные времена Томас был человеком простым, и, как казалось самому Кристоферу, совершенно чуждым сословных привилегий; именно этим он и заслужил доверие юного, затерявшегося в чужой стране англичанина. Теперь же пред Бойдом стоял будто бы иной человек: портной и торговец, увешанный золотыми нашивками, припудренный, в туфлях из цветной кожи с острыми носами и в безупречно белых чулках. И от болезненности этого заключения он со всей силой сжал лакированную рукоять, повторяя ранее заданный вопрос портного:

— Что со мной стало? — слова его прозвучали подобно тяжкому удару молота по наковальне. — И ты смеешь задавать сей вопрос, прислуживая презренному предателю, что за верность одаривает тебя новым кораблем?! Да будет тебе

известно, что я стал тем, кем никогда не желал быть!

Кристофер приподнял подбородок, глядя на старика с высоты своего роста. В его глазах плясал огонь и нестираемый отпечаток всех тех мучительных моментов, которые привели к такой жизни. Сквозь это пламя проступали черты прежнего джентльмена, того, кто был рожден в приличном английском обществе, воспитан в страхе Божьем, понятиях чести, и кто сумел позже в Испании завоевать благосклонность самого короля. Но Фортуна, увы, непостоянная дама, и её милость сменилась однажды гневом. Отныне Кристофер Бойд известен всему миру в роли, невысказанной для прежнего положения, предводителя тех, кого приличные люди называют отбросами общества. И самый горький, пожалуй, парадокс заключался в том, что именно в этом падении чуть позже он обретёт истинного себя.

Спустя секунды немного разговора капитана с портным, пират круто развернулся на пятках и вновь принялся расхаживать по палубе, оставив всех вокруг в напряженном ожидании, словно буря на горизонте.

— Слушайте меня, братцы! — произнес он, поднимая руку с саблей, наконец нарушая тишину. — С этого момента данное судно по праву переходит в наше владение! Так не станем терять времени даром, а потому извольте обыскать трюмы, дабы удостовериться в ценности добычи. После же отправим сей испанский челн на дно!

Едва прозвучал приказ, как меж командой пробежал ро-

пот недовольства.

— Это тринадцатое по счету судно, кэп! — закричал один из старших матросов, по имени Билл.

Он был известен своим суеверием и всегда следил за предзнаменованиями.

— Подобное деяние неминуемо навлечет на нас гнев моря! Сам морской дьявол покарает нас за безрассудство!

Другие матросы начали подхватывать слова, снося капитана с ног тайфуном негодования.

— А ведь гуляет байка в море, что однажды некий капитан получил от самой Судьбы в дар тринадцать лет неуязвимости для своего корабля, — начал Джек, чья впечатлительная натура находила особое удовольствие в собрании и сочинении всякого рода занимательных историй. Можно предположить, что даже эту историю парнишка сочинял на ходу.

— Все эти годы ни бури, ни вражеские ядра не могли причинить вреда. Но когда истек назначенный срок, капитан предался собственной жадности и в тринадцатый день заключил сделку с самим морским Дьяволом дабы продлить срок неуязвимости, отдав взамен души всего своего экипажа. Дьявол исполнил свою часть сделки и, поговаривают, с тех самых пор призрачный корабль без команды до сих пор скитается по морям без возможности пришвартоваться к берегам. Он до сих пор цел и невредим, никакая буря его не топит... Но какова цена!

— С этим проклятым числом даже самые отважные мо-

ряки не шутят! — добавил боцман, сглатывая комок в горле.

Капитан, сдерживаясь, чтобы не закатить глаза от мнимости своей команды, настаивал на своем:

— Это всего лишь выдумки! Пусть хоть сами провидцы будут предостерегать нас, это все равно не вызовет страх в моем сердце и не должен вызывать в вашем!

Матросы начали собираться в группы, обсуждая свои опасения. Другие обменивались взглядами, полными сомнений. Они вспоминали бесчисленное множество пророчеств и легенд, связанных с числом «тринадцать».

В конце концов, страх перед возможной бедой пересилил капитанскую власть. Матросы единогласно решили не выполнять приказ, дабы не накликать беду самого моря. Они стояли на своем и требовали от капитана отказаться от идеи потопить «Нежную Джулию», уверенные в том, что жизнь на море и так полна рисков и неопределенности, и им не нужны дополнительные неприятности.

Томас Карлсон, собрав остатки своего достоинства, счёл нужным вступить в беседу:

— Не позволяй, мальчик мой, чтобы обиды, укрывшиеся в потаённых уголках твоего сердца, затмили свет рассудка. Потопленное судно не пополнит твою казну, а игры с древними предсказаниями довольно опасны.

— А игры со мной куда опаснее! — оскалился пират, заметно выходя из себя. — Прибереги свои наставления для того, кто столь щедро одаряет тебя милостями, Томас!

Пожилой капитан с пониманием кивнул и более не решался нарушить тишину. А Бойд в свою очередь продолжил, не сводя темно-синих глаз со старика:

— Прежде чем отправить на дно первые корабли, отнятые у мерзавца Мирсса, я тратил драгоценные часы на допрос его людей — под истошные вопли тех испанцев, кто так и не пожелал сотрудничать со мной. Вопли эти, к слову, рождались стараниями моей суеверной команды, что без колебаний перерезала им глотки, — его взгляд скользнул по лицам матросов, столь красноречиво выражавших свой протест против гибели тринадцатого по счёту корабля. — Но с каждым новым трофеем моё желание вести светские беседы утратило смысл. А потому на сей раз всё пройдет быстрее, чем обычно.

Шумно сглотив огромный ком, что застрял в горле старика, портной надеялся на милость пирата и его благоразумие. Но вопреки желанию торговца громом раздался голос капитана Бойда:

— Обыскать трюм! Билл, — обратился отдельно он к старшему матросу: — иди в капитанскую каюту! Живо! Нет желания находится здесь более пяти минут! Брать все ценное и интересное, но не тащите на борт всякий хлам, который невозможно будет перепродать. Команду на дно, и давайте поживее, без прелюдий. Помните, что тем самым мы оказываем милость испанцам и уберегаем их от мучительной смерти.

Матросы разбежалась в разные стороны как палубные крысы, жадно заглядывая в каждый уголок корабля в поисках наживы. Тем временем сам пират облокотился локтями об леер, задумчиво всматриваясь в горизонт цвета золота. Черные пряди волос у лица слегка раздувал ветер, придавая некий шарм его и без того обаятельной внешности. В глубоком взгляде читался холод и безразличие к происходящему на судне, к чужой жизни, к страданиям — абсолютно ко всему. Он хотел по скорее покинуть корабль и продолжить свой путь в Порт-Ройял к старине Дорину, который когда-то укрыл Кристофера Бойда от ищеек короля, тем самым буквально вытащив его из виселицы.

Старик, что терпеливо ждал своей участи не смел нарушать тишину, потому молча теребил крест на шее и про себя молил Деву Марию о спасении, ведь он солгал пирату и правда вот-вот всплывёт наружу, как трупная рыба после шторма.

Внезапно тишину палубы пререзал пронзительный женский возглас, за коим последовало грубое оживление среди матросов. Вскоре появился Рамон с выражением величайшего изумления на лице и почтительно доложил капитану, что старик солгал и вместо золота, как плата за ткани, в трюме была обнаружена дюжина особ прекрасного пола, пребывающих в состоянии, подобающем столь неожиданным обстоятельствам.

Бойд, чьи коммерческие ожидания были таким образом

опрокинуты, обернулся к пленнику с видом неподдельного любопытства:

— Насколько мне помнится, дорогой Томас, за всю твою жизнь ты так и не был замечен в особой склонности к женскому обществу — разве что в тех редких случаях, когда одной из дам требовалось новое платье, снятое с мерок и сшитое с безупречным вкусом. В остальном же молва упорно приписывала тебе интерес к фигурам куда более крепким и сухим, ибо, кроме иглы и ножниц, твоё сердце, кажется, никогда не дрогнуло ни перед одним корсетом. Осмелюсь поинтересоваться, с какой целью ты укомплектовал своё судно столь... живым грузом?

— Умоляю, Кристофер, смилуйся! — воскликнул портной, пав на колени со сложенными в мольбе руками. — Заклиная всеми святыми, удержи свою команду от посягательств на этих невинных созданий! Я доставлю тебе лучшие ткани, какие только сыщутся во всей Испании! Сам привезу куда ты прикажешь! Лишь пощади их!

— Спокойно! Сначала ответь, на кой, морской черт, они тебе? Или это не для тебя и команды? А помимо тряпья ты доставляешь его крестинеишеству девиц на особый вкус?

— Что ты! — возмутился Томас Карлсон, густо покраснев, но услышав очередной дикий женский вопль из трюма, вновь взмолился. — Прошу, пусть твои матросы отступят!

— Я не могу остановить своих людей, — холодно ответил капитан Бойд, скрестив руки на груди. Его лицо оставалось

бесстрастным, но в глазах читалось тень сомнения. — Они выполняют приказ.

Томас шагнул ближе, его голос стал почти шепотом:

— Прошу, Кристофер, останови это безумие, пусть эти заплутавшие в жизни отважные мужи не берут еще один грех на душу, пусть не тронут невинных детей!

— Так они еще и невинны? Должно быть им не более четырнадцати, — сделал вывод Бойд, посмотрев на своего приятеля. — Рамон, спустись в трюм и скажи команде не трогать девушек...

Старик с облегчением выдохнул, улыбкой благодаря пирата.

— ... мы заберем их с собой! Уверен, на «Кровавом Возмездии» трюм куда уютней, чем здесь!

Старый портной почувствовал, как сердце сжимается от отчаяния.

Настроение пирата претерпело перемену. В глазах его застыла ледяная беспощадность со смесью ненависти и выношенной мести. К кому обращена сия ярость старику было хорошо известно, однако для него всё еще оставалось неясным, какую роль в плане Бойда могли сыграть перепуганные девицы, с которыми сам его патрон даже не был знаком.

Капитан «Кровавого Возмездия» принялся метаться по палубе с той неукротимой энергией, что отличает хищника, готовящегося к прыжку. В его голове выстраивался план, как именно он сможет привлечь удачу на свою сторону, с помо-

щью найденного живого груза. И это настроение не ускользнуло от мудрого и внимательного старика.

— Мне ведомо о твоей вражде к его милости, но, ради всего святого, в чём же провинились девушки? — спросил он.

— Я не обязан давать тебе отчёт, и, более того, не обязан беречь твою жизнь, Томас, не забывай об этом! — напомнил Кристофер, что ныне он пребывает исключительно в положении побеждённого.

Палубу наполнил звук женского рыдания и всхлипа — перед пиратом оказалось десять молоденьких девиц и две не менее привлекательные престарелые дамы. Однако Бойд даже не задержал на них своё внимание, мазнул лишь по ним взглядом полного безразличия и обратился к команде:

— Господа, сегодня знаменательный день! Сегодня вы можете искупаться в женской ласке, не заплатив ни гроша! Выбирайте любую!

Часть команды опешила и не сдвинулась с места, но другая часть — та, чье прошлое было вымарано в пятнах непростительных грехов, и кто выполнял всегда на корабле Бойда чёрную работу, — в считанные секунды кинулись в сторону девушек, жадно хватая тех за руки.

Особы были молоды и по внешнему ухоженному виду относили себя к благородным семьям, но несмотря на хорошее воспитание некоторые из них всё же попытались отстоять свою честь и оказали сопротивление. От чего капитан

начал терять терпение.

— Поживее, господа! Или вас нужно еще учить, как за-прокидывать дам на плечи?

Томас Карлсон, наблюдая за этой ужасной картиной, схватился за сердце и со слезами на глазах вновь взмолился к благоразумию пирата, припадая к ногам.

— Эти девушки достопочтенные гости из самой Англии! Ты же сам сын британской короны, умоляю, одумайся!

— Гости? — произнес он с насмешкой, его голос звучал как раскат грома. — И по какому поводу такие «гости» нужны этому бесчестному проходимцу Миррсу? С тех пор как между Англией и Испанией вновь объявлено состояние войны, пребывание английских женщин на твоём судне, Томас, без должного того сопровождения, даёт повод самой чёрной молве. Уж, грешным делом, можно подумать о шпионаже, не говоря уже о похищении душ и тел для сомнительных целей.

Старик, не в силах сдержать вес ужаса, что охватил его от обвинений пирата, принялся вскоре за объяснения:

— Они не представляют никакой угрозы! Ставлю на кон честь! И всё же я не могу раскрыть всю тайну их визита и подобных условий для путешествий, Кристофер, ведь это не только тайна маркиза, но и короля.

Бойд нахмурился, жесткие тени упали на его задумчивое лицо.

— В таком случае, не требуй, чтобы я подрывал авторитет перед командой! — высказал свой вердикт капитан, и раз-

вернулся спиной к старику.

Портной опять взмолился:

— Дай нам лишь доплыть до берега Валенсии, и я отдам тебе всё, что у меня есть. Отдам столько золота, что тебе и твоей команде хватит на выкуп двух борделей! Только смилуйся, прошу!

— Взгляни на них, — указал рукой капитан Бойд на матросов, что с широкой улыбкой запрокидывали на свои плечи английских дам, спуская в их адрес грязные и липкие словечки, как поцелуй Иуды, — я уже дал слово своей команде. Разве Я могу взять его назад?

В голосе пирата проскользнула та едва уловимая нота, что заставляет сердце заключенного вострепнуться. Старик, чей слух за долгие годы научился улавливать малейшие перемены в интонациях сильных мира сего, немедленно ухватился за эту нить надежды. Дело, очевидно, заключалось в условиях и осталось лишь найти подходящую цену.

Взгляд портного забежал по сторонам, в голове его проносились обрывки мыслей, тысяча вариантов того, что могло бы тронуть душу этого ожесточенного временем и обстоятельствами человека. Но всё представлялось ничтожным: ни обещания богатства, ни угрозы — ничто не могло сравниться с тем, что уже утратил этот человек и что так яростно он пытался вернуть своей мстью.

— Что ж, Томас, бывай! — покидая «Нежную Джулию» произнес Кристофер Бойд. — Я сохраню тебе жизнь и позво-

лю сесть в шлюпку до того, как это суденышко поглотит бездна, но девушки отныне принадлежат моим матросам. Возможно, ребята быстро наиграются, и ты сможешь еще выловить их хладные тела по пути. Мирссу всегда было все равно на качество, он даже не заметит, что с его гостьями что-то не так.

Портной не мог допустить, чтобы леди пали жертвой морского разбоя. Благородные дамы должны стать почетными гостями предстоящего торжества при дворе Валенсии, куда маркиз де Оро Фанго со своей свитой пригласил знатнейшие семейства королевства, включая и британских аристократок, лелея планы, касающиеся дел, о возможном сотрудничестве и участии в политических играх столь подлых, что в пору и вовсе умолчать о них. Путешествие этих особ хранилось в строжайшей тайне — тайне, которую, как полагали все посвящённые, ни при каких обстоятельствах нельзя было предать огласке. Торговое судно мистера Карлсона казалось наилучшим укрытием для столь щекотливого предприятия: вдали от праздных глаз английских и испанских толп, без знамён, эскорта и лишнего шума, оно несло свой живой груз к испанским водам. Старик сознавал, что его репутация и само положение при дворе поставлены на карту. Допустить бесчестие высокородных дам значило навлечь на себя гнев сийтельного покровителя. И надо признать, страшился он гнева своего патрона куда более, чем ярости пирата, ибо власть маркиза простиралась куда дальше морских просторов.

— Вы не понимаете, что делаете! Когда его милость и его величество узнают об этом, вам не удастся уйти от последствий!

Капитан «Кровавого возмездия» во все горло рассмеялся.

— И что же ты собираешься сделать? Угрожать мне именем этой королевской подстилки? Мне плевать на короля и его прихвостней, которые не стоят даже песо! Я уже давно готов к виселице; и прежде, чем сухой канат сомкнётся на моей шее и оставит в ней свои занозы, я уничтожу Мирсса и всё, что ему принадлежит!

— За этих девушек вы можете получить выкуп! Хороший выкуп! Маркиз заплатит за них! — быстро внес новое предложение портной.

— Ты еще не понял? Меня не интересует золото этого негодяя!

— Я знаю один остров! — весь покрывшийся в испаринах, вспомнил Томас, наблюдая, как одну из его пассажиров уже перекидывают за борт. — Иногда я привожу им шелк...

— Я воюю только в море, не на суше.

— Нет, речь не о грабеже. При последней встрече правитель острова справлял свадьбу своей дочери — её выдали за сына соседа, столь же влиятельного и богатого торговыми доходами. Он задолжал мне значительную сумму за прежние поставки — сумму, что вдвое превышает всё, что ты получал с поместья за полгода, даже в те времена, когда ещё носил титул графа, Кристофер. Плыви к его берегам и назови моё

имя. И передай ему это, — мистер Карлсон извлёк из дублета небольшой свёрток и протянул Бойду. — Здесь чертёж платья для его дочери. Пропуск и знак нашей договорённости.

За долгие годы погони за судами испанца Бойд позабыл вкус иной добычи, и данное предложение заставило его замедлить шаг. Взгляд его скользнул по команде — людям, что уже не первый год довольствовалась мелким морским промыслом, из которого выходило разве что на ночь в дешёвой таверне да на продажную ласку. Всё прочее: одежда, провиант, починка судна, — Кристофер оплачивал из собственного тайника, который с каждым рейсом становился всё беднее. Он знал, что за долгую и верную службу эти люди заслужили не случайную монету, а собственные запасы и уверенность в завтрашнем дне, а потому, помедлив лишь на мгновение, он изрёк:

— Оставить девиц в покое!

В ответ послышалось недовольство вперемешку с грязными ругательствами.

— Я сказал: отойти от девушек! Мы возвращаемся на корабль!

Томас Карлсон стал торопливо объяснять место нахождения острова, попутно зарисовывая уже практически стертым грифелем, что завалился у него в кармане, карту на обратной стороне чертежа.

— Этот остров прозвали «Изумрудный Берег» и не даром, Кристофер. Помяни моё слово, на нем ты найдешь настоя-

щую драгоценность.

— Изумруды? Рубины? Сапфиры?

— Лучше!

— Неужели алмазы?

— На своём веку я много повидал, и, пожалуй, та драгоценность поистине сравнима с алмазом. Однако помни, Бойд, что свет его и истинная ценность приобретаются лишь после того, как грубая оболочка будет смирена резцом судьбы и отполирована терпением. Истинный блеск рождается не в недрах земли, а в руках мастера, что не боится идти на жертвы.

Капитан шагнул вперед и наклонился к старому портному, его дыхание было горячим и зловещим.

— Подумай еще раз, старик, если ты солгал, то я лично выпотрошу тебя, как свинью и развешу твои внутренности перед помещьем твоего так любимого всеми патрона.

— Я такой же человек слова как и ты и я не лгу тебе. Никогда не лгал, Кристофер. — старик произнес эту фразу с уверенностью в голосе.

Он смотрел прямо в глаза пирата, чтобы подчеркнуть искренность своих слов. В его интонации можно было уловить легкую горечь от того, что время распорядилось так, что сейчас они вынуждены не доверять друг другу, но для этого, на самом деле, нет никаких причин.

Томас все еще обычный портной и торговец, а Кристофер все еще молодой мальчишка, только уже с разбитым серд-

цем.

Пират молча убрал чертеж за пазуху своей белоснежной рубахи и жестом указал команде покинуть корабль.

— Не спеши радоваться, Томас, — вернул старика на землю капитан, — Я сохраню жизнь тебе и этим женщинам, но не корабль. Таков уговор! У вас есть десять минут убраться отсюда, пока он не ушел на дно. Надеюсь, ваш щедрый маркиз позаботился о том, чтобы шлюпок хватило на всех.

II Глава

Весь путь до острова Кристофер Бойд размышлял о словах старика и не находил себе место. Бойд помнил, еще будучи при дворе, что Томас Карлсон всегда был вежлив к нему, выполнял личные просьбы без какой-либо платы, а также за все его годы службы не был замечен во лжи и предательстве. Однако сердце пирата было не на месте: нутром он чувал, что его обвели вокруг пальца, как невинную барышню. И хоть с каждым часом пути он все больше и больше убеждался в обмане, некая необъяснимая уверенность удерживала его от приказа развернуться.

Где-то глубоко в себе Кристофер признавал, что старик ушёл по его молчаливому позволению, и потому медлил, не смея объявить команде о новом курсе. И все же его одолевало искреннее любопытство и желание своими глазами увидеть остров, о котором он ранее даже не слышал.

На десятые сутки плаванья пират почти утратил всякий интерес и уже обдумывал, каким курсом лечь, дабы наверстать упущенное время. Его давний соратник Дориан Блейд, некогда спасший ему жизнь, должен был встретиться с ним ещё трое суток назад, а команда наслаждаться утехами в объездах портовых красавиц. К тому же, вот уже который по счёту день от матросов тянулся шлейф ропота и сдержанного недовольства, что всё более омрачало и без того мрачную атмосферу на судне. Скопившееся напряжение сгущало тучи над капитаном, побуждая его вот-вот отдать приказ повернуть штурвал на Порт-Ройял.

Наконец, набравшись смелости отдать приказ, вся команда услышала вместо размашистого баса капитана, восторженный крик матроса с «вороньего гнезда»:

— Вижу землю!

— Наконец-то, чёрт тебя дери! — сквозь зубы процедил квартирмейстер, но, поймав на себе недовольный взгляд капитана, пояснил: — Команда на грани бунта, кэп!

В этот момент к ним подкатился бочкарь, подхватив тревожный тон Рамона:

— Пресная вода на исходе, капитан! Осталось на сутки, не больше. Матросы уже принялись за ромовые запасы.

— Что?! — возмутился Кристофер.

Больше всего капитан не терпел беспричинного пьянства, особенно на своём корабле. Сам он позволял себе изредка

пригубить вина или терпкого коньяка, но не ради веселья, а чтобы на краткий миг усмирить разум, когда тот начинал доводить его до безумия.

— А что ты хотел, Крис? — развел руками квартирмейстер. — Сначала дал команде вздохнуть аромат невинного женского тела, а затем отдал приказ возвращаться ни с чем на корабль. И сейчас мы плывем на непонятный остров, что нарисовал старый лишенного всякого разума испанец на своём поздравительном листе. Признаться, я и сам готов был возглавить бунт, дружище.

— И что тебя остановило?

— Твоё замученное угрызением собственной совести лицо спасло тебя от мятежа.

— Стало быть, благодарить мне тебя или собственную рожу?

— Думаю, обоих!

Мужчины обменялись улыбками, но воздух между ними по-прежнему звенел натянутой струной.

— К слову о чертеже, — капитан вспомнил о пергаменте, переданном старым знакомым, — этот рисунок станет нашим пропуском к богатству, — произнёс Бойд с той уверенностью, на какую был способен, хотя в глубине души не верил собственным словам.

— Плевать! Черт возьми, плевать, Кристофер! Мы все на взводе, ты поверил испанцу, что за эту бумажку тебе заплатит вождь, — на этом моменте Рамон посмотрел в подзор-

ную трубу, — вождь этого богом забытого места! Ты действительно в это веришь, кэп? Запасы корабля вот-вот на исходе, что, если на этом острове нет никого? Мы потерпели убытки, и команда жаждет выпустить пар, а на этом острове, похоже, и трахнуть некого!

Капитан глубоко вздохнул, собираясь с мыслями.

Разрядить накалённую обстановку вызвался местный музыкант, известный под прозвищем «Лир» в честь инструмента, на котором он играл. Лир был молодым юношей, обладающий совершенной наружностью, что заставляет задуматься о капризах природы: волосы его, вечно лежавшие живописным беспорядком, отливали на солнце золотом, тогда как очи, тёмные, как безлунная ночь, хранили след пережитых невзгод. Год назад его судьба переломилась и кораблекрушение отняло у него прошлую жизнь. В то время как Кристофер, обнаружив в море бесчувственное тело мальчишки, призрачно державшееся за обломок судна, даровал ему иную. Жизнь парня разделилась на «до» и «после», и с тех пор чувство благодарности к своему спасителю столь глубоко укоренилось в нем, что он предпочел остаться на пиратском судне, совмещая обязанности матроса с призванием музыканта.

В долгие вечера, когда тяготы морского бытия ложились особенно тяжким грузом на души команды, струны его лиры и звонкий голос становились лучшим лекарством от уныния и раздоров. Парнишка всегда умело находил подходя-

щие слова и мелодии, чтобы смягчить напряжение и поднять настроение.

— Эй, ребята! — воскликнул Лир, выходя вперед с музыкальным инструментом в руках. — Давайте не будем портить атмосферу. Мы же команда!

Он улыбнулся и начал наигрывать легкую мелодию, которая быстро привлекла внимание всех присутствующих. С каждой нотой напряжение постепенно стало рассеиваться. Лир знал, что смех и хорошие воспоминания могут помочь сгладить острые углы, а потому начал напевать смешную песню про надоедливую попугая.

Кристофер и Рамон обменялись взглядами и на их угрюмых лицах стала проскальзывать легкая едва ли заметная улыбка.

Когда песня закончилась, капитан подошел к юному мексиканцу и похлопал его по плечу.

— Спасибо тебе, Лир! Твоя музыка может даже воскресить.

Парнишка, густо покраснев в ответ на высказывание кэпа, опустил лиру и обратился к стоящим неподалеку матросам:

— Неважно есть ли кто на острове, в любом случае мы можем немного отдохнуть, поесть свежих фруктов, набрать пресной воды и искупаться.

Мимо проходящий ворчун боцман, закатил глаза:

— Ох, уж это твоя чрезмерная любовь к чистоте.

— И не только его! — одернул того капитан. — Вам всем

стоит обрести её. Не хватало еще подцепить вши или какую-нибудь кожную болезнь! И вообще, все по местам! Вре-
мя близиться к закату, мы должны успеть пришвартоваться
до темна.

Команда, немного помедлив, рассредоточилась по палубе
и каждый занялся своим делом.

Уже стоя на верхней палубе, Рамон тихо обратился к ка-
питану корабля:

— Кристофер, что с тобой? Я не трогал тебя все эти дни,
но сейчас не могу не спросить: почему ты отпустил старика
так легко? Ты никогда раньше не позволял себе слабость!

Бойд задумчиво глядя на горизонт, кратко ответил квар-
тирмейстеру:

— Однажды Томас Карлсон по моей просьбе за один час
сшил лучшее платье во всей Испании ни взяв с меня ни гро-
ша. Я вернул ему долг.

Рамон знал часть истории друга, оттого больше вопросов
не задавал, лишь с пониманием кивнул и вернулся к подзор-
ной трубе.

А сам капитан в это время погрузился в свои воспомина-
ния со времен двора и того самого дня, когда он со своей
возлюбленной готовился ко дню Валенсии.

С самого утра знать Валенсии в суете готовилась к пред-
стоящему празднику.

Кристофер прибыл в город из Мадрида двумя днями ра-

нее и всё ещё приходил в себя после утомительной дороги в тряской карете. Все его мышцы ныли, сковывая движения, в висках пульсировала настойчивая боль, а сознание застила-ла легкая дымка усталости. Но несмотря на неудобства, граф расположился в одном из залов мрачноватой, но внушитель-ной резиденции маркиза де Дос-Агуас, чьи мощные стены хранили прохладу, несмотря на летний зной.

Углубившись в томик Шекспира — писателя, чьи творе-ния он ценил превыше прочих. Вокруг суетливо сновали служанки, из соседних покоев доносились оживленные го-лоса, но ничто, казалось, не могло нарушить его сосредо-точенности. Способность отрешаться от суеты была тем ка-чеством, кое он воспитал в себе за годы жизни при дворе, где умение сохранять невозмутимость ценилось куда выше шумных проявлений чувств. Это умение спасало его не раз: помогало ему выдерживать насмешки в частной школе, чи-тать ложь в глазах собеседников и улыбаться тем, кто уже готовил ему падение; также удерживала его от опрометчи-вых слов в покоях влиятельных вельмож, где одно неверное движение могло стоить карьеры, а иной раз и головы. Быть безучастным от всего происходящего выручало особенно в те вечера, когда матушка, запершись в гостиной, рыдала над очередным тайным письмом отца, пропитанным чужими ду-хами и написанным слишком уверенной женской рукой. Со-всем юный, но умный не по годам Кристофер стоял у стены неподвижный, как тень от камина, наблюдая, как мать сры-

вает печать и ярость сменяет слёзы, а затем пламя камина пожирает бумагу вместе с остатками её достоинства. Он не спешил разделять материнские слёзы, а лишь сохранял ледяное спокойствие и безучастность, вынося про себя из тех вечеров ещё одно твёрдое правило: не предавать доверия женщины, которая его любит. Так, как предал отец.

С тех пор единственный звук, который был способен оторвать Бойда от любимого дела, это голос прекрасной Фелиции де Муар — его горячо возлюбленной. Юная француженка, подобно ему самому, оказалась в Мадриде по воле политических обстоятельств. Оба они принадлежали к тому кругу иностранных аристократов, что нашли пристанище при испанском дворе после династических пертурбаций в Европе. Это сходство судеб стало их первой связью несмотря на то, что история Кристофера была куда печальней. Сначала они держались вместе, как два изгнанника, находя отраду в общих воспоминаниях о таких разных, но родных краях, что постепенно дружеская привязанность переросла в глубокое чувство, которое сам Кристофер почитал союзом родственных душ.

Фелиция впорхнула в залу как бабочка во всем белом, так напомнив ему те самые ослепительно-белые паруса, что бороздили залив Валенсии. Она мягко приземлилась рядом с Кристофером на диванчик и только в этот момент мужчина обратил внимание, как блестят слёзы на ее румяных щеках.

— Что произошло, дорогая? — тут же отбросив книгу

в сторону, обеспокоено спросил Кристофер, обнимая ее заплаканное, но по-прежнему красивое лицо в своих ладонях.

Прекрасная нимфа пару раз шмыгнула маленьким носиком, побольше заглатывая воздух и, когда её подбородок дрогнул, на выдохе шепотом произнесла:

— Мое платье, Кристофер, мое платье... — повторяла она и слезы с новой силой заструились по ее щекам, находя приют в теплых и сильных ладонях.

— Что с ним приключилось, душенька?

— Оно... оно мне безбожно велико!

— Неужели это столь важная причина для огорчений?

— Через пару часов начнется праздник, затем светский бал! Я не могу появиться там в платье, будто я его стянула с какой-то великанши! Лиф отвисает, а рукава съехали, и ничем не скрыть... Ничем! Безобразные складки, что образовались от неплотной посадки, — голос девушки был твердым, но детские истеричные нотки лишь больше умиляли мужчину.

— Корсет не спасёт ситуацию?

— О чём вы, граф?!

— Pardon! Совсем забыл, что я ничего не смыслю в дамских делах.

— Это катастрофа! Суший крах! Не ждите меня на балу — я запрусь в покоях и не покажусь никому. Не желаю навлечь позор ни на короля, ни на маркиза Мирсса... ни на вас, разумеется.

Кристофер позволил себе заключить в объятия её хрупкий стан, утративший за время дороги былую округлость, что и послужило причиной нынешнего огорчения, и приблизив губы к её уху, с фамильярностью недопустимой в светском обществе, он тихо прошептал:

— Я всё устрою, ангел мой, умоляю, не терзайте себя.

— Но как? — вновь всхлипнула Фелиция.

— Дайте мне час, и перед вами будет лежать платье, затмевающее своим изяществом наряд самой королевы, — произнес он так тихо, что лишь одно её ухо уловило сии дерзкие высказывания.

От них по телу красавицы пробежали предательские мурашки, и мысли о нарядах мгновенно уступили место иному волнению. Воспитание позволило ей лишь крепче прижаться к его стальному торсу, сокрыв пылающие щеки в складках его камзола, и украдкой коснуться губами его гладко выбритой щеки.

В любой момент в залу мог ворваться кто-то из слуг или сам хозяин резиденции, что повлекло бы за собой непоправимые последствия. Сама тень подобного скандала навсегда запятнала бы репутацию Фелиции, превратив её из добродетельной невесты в предмет презренных пересудов. Кристофер в свою очередь рисковал бы не только благословением короля, но и своей честью джентльмена, не сумевшего защитить достоинство дамы. И всё же, осознавая весь этот риск, он не мог заставить себя отступить. Её близость была подоб-

на опиуму, затмевающему голос рассудка. Стоило ему почувствовать трепет её ресниц на своей щеке, как все условности мира обращались в прах.

— Нам следует быть осмотрительней, — выдохнула Фелиция, но её руки сами впились в ворот его камзола.

— Пусть станут свидетелями! — его губы коснулись её виска. — Я с радостью назову вас своей женой хоть сию же минуту!

В этот миг скрип двери в соседней галерее заставил их отпрянуть друг от друга с той стремительностью, что выдавала всю силу их вины.

С румянцем на щеках девушка, вырвавшись из объятий мужчины и нервно поправив локоны на плечах, окинула взглядом зал. Ее черные глаза уставились на книгу, лежащую на полу рядом с графом.

Прочитав название, она растянулась в насмешливой улыбке:

— «Оттело»? — протянула она. — Право, мой дорогой, неужто это лучшее, что мог предложить Шекспир? Уж куда трогательнее история о тех веронских влюбленных, что предпочли смерть разлуке. Конец тот же, но, согласитесь, куда более романтический.

Она произнесла это с такой увлеченностью, что голос её зазвучал, как мелодия в тишине собора, наполняя пространство между ними особым, сокровенным смыслом. Слегка склонив голову, она поймала его взгляд, словно выискивая в

его глазах отзвук собственным словам.

Кристофер с легкой усмешкой поднял книгу.

— Романтичный? Милая моя, «Ромео и Джульетта» — трагедия о неразумных детях, ослепленных первой страстью. «Отелло» же — история о том, как яд сомнения способен отравить самую зрелую и сильную любовь. Это куда страшнее и, увы, куда правдивее.

Он говорил с тем же тоном, который всегда заставлял ее сердце биться быстрее. Его манера общения была полна очарования и уверенности, как у истинного джентльмена.

— Вы не понимаете! — воскликнула она, чувствуя прилив эмоций. — Ромео и Джульетта — не просто трагедия. Это символ невинной чистой любви, которая преодолевает все преграды! А что в «Отелло»? — ее руки взметнулись в порыве страсти, вычерчивая в воздухе невидимые узоры. — Задушить собственную супругу в припадке слепой ревности, а затем и самому пасть от собственной руки! Скажите, разве это не верх нелепости? Не хотела бы я связать свою судьбу с мужчиной, чье сердце так легко затмевает тьма.

Бойд внимательно наблюдал за своей возлюбленной, с тихим восхищением, отмечая, как тонко устроена женская натура, способная воздвигнуть целую бурю на фундаменте из литературных предпочтений.

В этом внезапном вихре эмоции была та самая живость, что неудержимо влекла его к ней.

— Отелло одурманила как сама любовь к Дездемоне, так

и яд недоверия, что капля за каплей отправлял его душу. Мысль, что святыня его сердца может быть осквернена, обратила его разум в прах. И когда дымка спала, жить с этим знанием оказалось невозможным. Глупо? Без сомнения. Но разве не каждый из нас способен на глупость, когда речь идет о том, что дороже жизни?

— Видите ли, — продолжил он, наклоняясь вперед, и его взгляд приобрел пронзительную остроту, — любовь редко бывает лишь благословением. Порой она самый изощренный вид пытки. Она заставляет видеть призраков в каждом углу и сомневаться в том, что еще вчера казалось нерушимой истиной. Особенно, — произнес он с легким ударением, — когда чужие намёки начинают казаться куда красноречивее клятв, данных при свидетелях.

Воздух между ними сгустился. Взгляд Фелиции, еще мгновение назад игривый и насмешливый, застыл, превратившись в ледяную маску. Её пальцы судорожно сжали складки платья, выдавая внутреннюю дрожь, которую она тщетно пыталась скрыть. Он же не шелохнулся, лишь его глаза, бездонные, словно вбирали в себя каждый ее мускульный зажим, каждое предательское движение зрачком. В этой тишине они говорили громче всяких слов.

— Извольте рассуждать с таким знанием, словно Вам знакомы эти чувства, — зацепилась Фелиция. Ее голос стал резким, как обломок стекла, и хорошее настроение вмиг угасло. В её глазах мелькнула немая фраза: «Ты что-то знаешь?»

Или только догадываешься?». Его недолгое молчание было ответом: «Знаю, но не верю.»

Кристофер, не отводя взгляда от возлюбленной, медленно произнес:

— Страшно даже помыслить, какие чувства овладели бы мною, узнай я, что предмет моего высочайшего обожания удостоивает чести разделять ложу с кем-либо еще.

Его голос стал глухим ударом колокола, в который вложена вся боль и страсть.

И Фелиция, чувствуя, как ее сердце сжалось, поспешила парировать лорду:

— Позвольте заметить, мистер Бойд, — перешла француженка к официальному тону, — она не разделила ложе ни с кем! То были сущие вымыслы!

Легкое движение, с коим она привстала, выдавало всё её волнение, а багровый румянец на бледном лице всё возмущение.

— Умоляю, понизьте голос, — с холодной учтивостью возразил Кристофер. — Сомневаюсь, чтобы кто-либо всерьез сомневался в её добродетели. Но, надо полагать, сам мавр оставался в неведении относительно сей истины.

— Глупость! Очередная глупость и сколь удобное оправдание для мужской слабости суждения! — воскликнула Фелиция, и в голосе её звенела подлинная обида. Щёки её горели, а глаза сверкали, как искры, готовые вот-вот разгореться в пламя.

— Милая моя, что за излишняя горячность? — промолвил Кристофер с притворной лёгкостью, в то время как его взгляд приобрел неприятную пронзительность. — Ваша пылкость в защите добродетели вымышленной героини заставляет задуматься, не скрывается ли за ней более... личный интерес к подобным ситуациям.

Договорив всю фразу до конца, Бойд с ужасом осознал, что зашёл в своих намёках куда дальше, нежели дозволяли приличия и факты.

Фелиция словно ошпаренная, стремительно покинула залу, не удостоив его ни единым словом. Порыв броситься вслед и исправить содеянное был силен, однако необъяснимая сила удерживала его на месте: то ли гордость, то ли глубокое понимание, что объяснения в такой момент лишь усугубят положение.

Вспомнив затем о данном обещании обеспечить возлюбленную подобающим нарядом, он с твердым намерением направился на поиски господина Карлсона, дабы силой убеждения склонить того к срочной работе.

На берег капитан и его команда высадились, когда на небе уже сгущались сумерки. Музыкант вместе с купером и тремя матросами пошли на поиски свежих фруктов и мелкой дичи, а боцман с плотником и квартирмейстером за дровами для будущего костра. Каждый из них нашел себе занятие, кроме самого капитана, который, словно потерянный в бес-

крайних водах, оставался сам не свой после погружения в прошлое. Его душа, окутанная мрачными тенями воспоминаний, не желала, чтобы кто-то стал свидетелем его подавленности. Капитан не мог позволить себе падать духом, так как был призван вести свою команду к свету, а не затягивать их в бездну печали, учитывая тот факт, что они и так были замешаны в его мстительные игры с целой Испанией.

Прошлое капитана, сколь можно о том судить, было омрачено чередой печальных обстоятельств, кои, подобно безжалостному резцу, проверяли его душу на подлинную крепость. Служители церкви полагают, что в испытаниях и соблазнах, ниспосылаемых свыше, сокрыт великий Промysel: лишь в горниле страданий закаляется дух человеческий, лишь через искушение приходит истинное очищение.

Кристофер, надобно отдать ему должное, с удивительным искусством выходил из сих испытаний, казалось, сама судьба благоволила его твёрдости.

Но увы! Сколь ни крепок был сей благородный сосуд, сколь ни искусно отражал он удары судьбы разбился он о простую женскую слабость. Ибо встретил он на пути своем Дитя Евы, ту, что уже была пленена древним змием, чей яд отравляет сами истоки невинности. И свершилось то, чему суждено было свершиться: пал капитан Бойд. Ныне же, утративший себя, он обречён скитаться во мраке не во спасение, но в погибель, неся в душе своей лишь ненависть и страдание, сея вокруг одно лишь горькое уничтожение. Так ирония

небес являет, что иногда самые сильные из нас гибнут не от бури, а от легкого ветерка, залетевшего в неплотно прикрытое окно.

С каждым шагом, что уносил всё дальше по пустынно-му побережью, Кристофер словно сбрасывал с плеч тяжкий груз: слова, что так и не были сказаны той, чьё вероломство разбило его сердце. Он искал утешения в голосе природы, вверяя себя шуму прибоя с искренней, почти детской надеждой — морская стихия очистит его разум и возвратит ту былую твёрдость решений, коя некогда составляла основу его натуры. Но месяцы сменяли друг друга, годы погони за испанскими галеонами уносили время, и вместе с ними блекло само желание мстить. Краски сей благородной страсти тускнели, выцветали под солнцем и солёными ветрами, покуда не превратили смысл его существования в невзрачное, бледное пятно на карте бытия.

Уже тринадцатый корабль — тринадцатый! — обрёл вечный покой в холодной пучине. И всё тщетно. Ни один из них, уходя в морскую бездну, не унёс с собою той боли, что гнездилась в его груди, и ни один не принёс его мятежной душе желанного успокоения.

Весь в раздумьях капитан не заметил, как прилично отдалился от места причала и приближался к скалистым возвышениям и неглубокой пещере, откуда по звуку от небольшого водопада, завтра можно будет набрать пресной воды. Облокотившись спиной о влажный камень, что еще сохранил в

себе тепло этого дня, пират устало прикрыл глаза, мысленно намечая завтрашний маршрут в Порт-Ройял.

Его мысли потревожил красивый мелодичный голос.

До этого вечера Кристофер был убежден, что лучшее пение, что он когда-либо слышал, это пение мальчишки Лира. В свое время бывший аристократ много встречал людей искусства и ни раз слышал, как поют лучшие певцы Испании, однако голос именно этого золотовласого юнца, что он подобрал в море, всегда оставлял какой-то теплый свет на его сердце. Но в сей раз, звук, что добрался до самых темных уголков души капитана, исходил от женщины: бархатный и наполненный воздухом.

Он мгновенно распахнул глаза и стал искать взглядом источник звука, но на горизонте никого не было, будто сама сирена зазывает пирата с морского дна. И хоть Кристофер не принадлежал к числу тех, кто верит матросским суевериям, в сей час сумерек и одиночества ему на миг почудилось, будто грань между вымыслом и настоящей жизнью истончилась, подобно утреннему туману над водой.

С каждым новым словом какой-то баллады о любви, голос становился все громче, увереннее, пронизывая кожу мелкими иглами каждой безупречно взятой нотой. Это был чистый британский, без какого-либо намека на акцент, тем самым погружая капитана в далекие воспоминания детства, во времена, когда он с гордостью носил статус англичанина.

Сделав несколько шагов от камня и приподняв голову

вверх, взору предстал образ молодой девушки. При лунном свете черты её лица терялись в полумраке, но по тонкости стана и изяществу движений он безошибочно определил, что певица была молода. Узкие плечи и тонкие руки с длинными пальцами, взметавшиеся в воздухе в такт балладе, являли собой зримое воплощение голоса незнакомки, заключая в себе ту самую гармонию, что завораживало взгляд.

Сохранив еще в себе призрак джентльмена, что когда-то жил в пирате, Бойд не стал прерывать одиночное выступление, а лишь внимательно слушал, в ожидании, когда девушка наконец заметит его присутствие.

Прозвучал надрывный, наполненный знакомой болью финал. И вскоре, отдышавшись, силуэт обратился к своему слушателю на испанском, лишенного сложных оборотов и благозвучного произношения:

— Спасибо, что слышали!

— С превеликим удовольствием послушали! — перешёл Бойд на английский.

Особа не сдержала облегченный вздох и продолжила рассыпаться в благодарностях, но на сей раз на чистом английском языке:

— Благодарю, что не сочли моё пение помехой и почтили его своим вниманием до конца.

— Ты с самого начала знала о моём присутствии? — не смог скрыть своего удивления в голосе пират, нарушив все каноны светской беседы.

Отвыкший от общения с дамами из высшего общества, он давно уже перестал оказывать им должное внимание и всем своим видом демонстрировал пренебрежение к условностям.

— Я заметила, как вы ступили на берег еще некоторое время назад. Что побудило вас отделиться от ваших спутников?

Неземное спокойствие, с коим девушка вела беседу и безупречное британское произношение заставила пирата призадуматься.

— Вы храните молчание, — в ответ на тишину констатировала она. — Если не желаете отвечать, то я не настаиваю.

— Мои мысли заняты лишь одним вопросом: откуда столь отличное владение английским?

— Это слишком долгая и неинтересная история, — произнесла она с лёгкой усмешкой. — А ваше молчание и необычные манеры и так наводят скуку.

Мысль, промелькнувшая в сознании мужчины, заключалась в том, что данная особа, казалось, являлась неотъемлемой частью острова, столь же естественной, как прибрежные скалы и искривленные ветром деревья. Однако в той же мере она представлялась существом иного порядка, чьи манеры явно указывали на происхождение из мира, решительно чуждого сему заброшенному уголку земли. Такое противоречие заставляло разум капитана метаться между двумя образами, ни один из которых не мог полностью вытеснить

другой.

— Позвольте узнать, имеется ли на острове еще какое-либо общество, кроме вашего? — поинтересовался пират, внимательно осматривая местность пытливым взглядом.

Взор его на мгновение привлекло движение у кромки леса, но то была лишь птица, встревоженная, по-видимому, их беседой.

— Безусловно, имеется, вы и ваши спутники.

— Какой дерзкий ответ! Не боишься?

Словно не замечая нависшей бури, девушка с грацией спустилась с каменного возвышения, чтобы оказаться с собеседником на одном уровне.

— А стоит ли? — улыбка её озарила пространство между ними куда ярче лунного света. — Вы, безусловно, не обладаете достаточными манерами для джентльмена, однако, смею заметить, что ваш образ скорее похож на человека, слишком хорошо знакомого с бальными залами, нежели на чудовище, которого необходимо опасаться.

— С чего вдруг такое предположение? Мой пояс утяжеляет вес сабли, а вместе с ней число жертв, что пали от моей руки, а не от танцев.

Незнакомка приблизилась до неприличия, оценивающе оглядывая пирата с ног до головы, словно читая книгу.

— Не смею сомневаться в вашей репутации, что должна меня напугать, однако... Признаюсь, я слишком долго искала собеседника, способного поддержать беседу на достой-

ном уровне, чтобы сейчас лишать себя подобной удачи из-за предрассудков, — призналась она, и в её глазах вспыхнул вызывающий огонь. — Умоляю, не разочаруйте моих ожиданий касательно ваших способностей, ибо признаюсь, возлагаю на эту беседу определенные надежды и лелею твёрдую уверенность, что обрету в вашем лице куда более достойного оппонента, нежели могла бы предположить по первому впечатлению.

Кристофер не смог скрыть мимолётного изумления, вызванного как речами незнакомки, так и видом её стройных ног, едва прикрытых ночной рубашкой. Но едва осознав, что позволил себе смутиться, он внезапно обрёл прежнюю уверенность и, схватив её за плечи, прижал к влажной поверхности камня.

От неожиданной грубости вырвался короткий крик. Незнакомка вопреки обычному поведению дам в подобных ситуациях, не стала вырываться и звать о пощаде.

— И это всё? Всего лишь возглас без попытки убежать?

— Осмелюсь задать вам тот же вопрос, — парировала она, и её взгляд из-под опущенных ресниц приобрел опасную игривость. — Неужели это и есть вся та изобретательность, на которую вы способны в обращении с дамами?

— Откуда в таком хрупком тельце столько язвительной смелости? И коль тебе так не терпится познать все тонкости мужского внимания, то, пожалуй, я отведу тебя к своей команде. Парни очень изголодались за время пути.

— Тонкости? — в ответ послышался смех, — Тонкости в мужчинах меня и вовсе не интересуют. Куда больший интерес представляют изысканные манеры джентльмена и его умение совладать с собой!

Кристофер остался обескураженным от подобного ответа и лицо его озарилось неподдельным изумлением, смешанным с внезапно вспыхнувшим интересом.

— Не может быть, чтобы в здешних краях имелось заведение для увеселений! — сделал вывод Бойд, пробегаясь взглядом по чистому лицу незнакомки.

Девушка была изысканным произведением искусства, нетронутым нежным только что распустившимся цветком, но ее слова вызвали внутренний конфликт.

— Оно появилось относительно недавно. Вы без труда найдете его! — её тонкая рука указала в сторону его корабля.

На мгновение задержавшись, пират ослабил хватку, и девушка с неожиданной ловкостью высвободилась из его рук, уверенной поступью направляясь к водной глади.

— Неужто решила свести счёты с жизнью?

Скрестив руки на груди, он наблюдал за грациозными движениями девушки с откровенной насмешкой.

— Не хотелось бы огорчать вас, но придётся. Я собираюсь всего лишь освежиться. Не желаете ли составить компанию?

Мимолётные мысли о её вменяемости оказались поспешными. Все те, кого знал капитан не смели дерзить и при первой возможности устремлялись прочь, но данная особа

явно не принадлежала к числу тех, кто предпочитает прятаться в тени. Из этого следует признать, что в его уме зародилось любопытное наблюдение: за все годы своей бурной жизни он не встречал столь причудливого сочетания изящных манер, отточенной грации и поистине восхитительной дерзости, заключенных в столь очаровательном облике. И хоть джентльмен удачи давно разуверился в прекрасном поле, считая его источником пагубных искушений, ведущих сильный пол к ослаблению духа и роковым промахам, он не мог отрицать, что встреча с сей особой пробудила в нем давно забытый интерес — пока что, впрочем, чисто умственного характера, лишённого какого бы то ни было намёка на влечение.

Дама обвела взглядом окружающее пространство, как будто искала в нем что-то интересное, а затем снова устремила его на капитана, вызывая его на дальнейшую игру:

— Раз не хотите удостоить меня беседой, так может удостоите совместным плаванием? Море сегодня на удивление теплее, чем обычно, — произнесла она, прежде чем исчезнуть в тёмной воде.

Кристофер, всё ещё находящийся под впечатлением от столь необычной встречи, будто замороженный последовал за ней, сбрасывая по пути тяжёлые сапоги. Плавать ночью, в то время, когда море таило в себе опасность и непредсказуемость было равносильно безумству, в котором капитан решительно согласился поучаствовать.

Погружаясь в прохладную солёную воду, он ощутил, как давно забытые чувства охватывают его с новой силой. Незнакомка появилась в паре шагов от него, и в полумраке на её лице можно было едва различить, как засияла безмятежная улыбка без тени страха или обиды.

— Неужели твою голову не тревожит мысль, что я могу взять и утопить тебя? — продолжал он наступать, медленно приближаясь к ней, подобно хищнику, отслеживающему добычу.

С каждой волной его одежда становилась тяжелее, а холод пронизывал всё глубже, но Бойд не обращал на это ни малейшего внимания.

— Стоит поразмышлять об этом на досуге, но пока меня это отнюдь не тревожит. Я отлично плаваю.

Мысль о том, что девушка все же может оказаться одной из хвостатых морских чудовищ, что любят утаскивать мужчин на дно морское, настойчиво кружила в сознании Бойда, словно чайка над палубой. Суеверия он всегда считал уделом простолюдинов, однако всеобщая вера команды в эти басни придавала им необъяснимую долю вероятности. Между тем как сама дерзкая незнакомка, казалось, намеренно демонстрировала свое искусство покорять стихию. Словно русалка, рожденная в морской пене, она то исчезала под темной водой, то возникала вновь в десятке шагов от него. Каждое ее движение было исполнено такой естественной грации, что пират не мог оторвать от неё замороженного взгляда, чув-

ствуя себя участником какого-то диковинного сновидения.

Пользуясь моментом, когда она вновь скрылась под водой, Кристофер сделал глубокий вдох и погрузился в пучину вслед за ночной певицей. Холод обжег его кожу, но именно в этой ледяной мгле, лишенной визуальных ориентиров, все его чувства обострились до предела. Он плыл на слух, улавливая смутное движение в воде, и его пальцы, протянутые вперед, ловили лишь вибрацию воды — тот смутный, быстро гаснущий след, что оставлял за собой очередной стремительный рывок таинственной пловчихи.

Пытаясь настичь ускользящую фигуру, он с удивлением осознал, что не чувствовал себя настолько живым уже много лет. Каждый нерв в его теле трепетал от этого безумного преследования.

Вынырнув и в то же время поймав на себе еле различимый во тьме победный взгляд девушки, спросил:

— Неужели ты не осознаешь, что данное поведение даёт мне определенные... скажем, основания? Перед тобой не салонный щёголь, а настоящий мужчина.

Знакомое напряжение нахлынуло волной, сковывая его тело. И это непроизвольное проявление страсти вновь заставило его усомниться в реальности происходящего. Уж, не сон ли то, ибо в здравом уме он давно научился обуздывать подобные порывы?

— Мало носить широкий ремень с пряжкой, чтобы заслужить звание джентельмена, — парировала незнакомка с

невозмутимостью, вновь исчезая под водой с грацией морской выдры.

Бойд в ту же секунду нырнул в сторону насмешницы.

Сквозь толщу воды слышались брызги и женский смех. Ему практически удалось схватить девушку за лодыжку, но в последний момент она ускользнула от него и, выныривая, вновь заливисто засмеялась.

— Что ж, ваши притязания на звание мужчины ничуть не помогли вам настичь меня.

Чуть позже добавила:

— Продолжите ли вы угрожать мне или, быть может, предложите более увлекательное времяпрепровождение для столь прекрасной ночи?

Новая волна возбуждения окатила Кристофера, и отсыревшие портки непристойно облепили его мускулистые бедра. Особа перед ним была столь же игрива и непредсказуема, как пустынный ветер, чьи порывы невозможно предугадать — качество, решительно отличавшее её от всех прочих дам, коих доводилось знать капитану в прошлой жизни. И это не могло не будоражить в нем сладкое чувство накатывающей волны предстоящего возбуждения, что появляется в мужских чреслах при виде привлекательной дамы.

Прежде чем удостоить ответом предмет его неподобающих мыслей, что роем вились в голове пирата, Бойд с невидимым внутренним усилием попытался унять настойчивую пульсацию, угрожавшую затмить ясность рассудка. Он сде-

лал глубокий вдох, словно пытаюсь вдохнуть в себя весь холод морской бездны и выдохнуть это странное, смущающее его волнение.

— Осмелюсь предположить, что от изнеможения я заснул где-то здесь неподалёку, и всё это, включая твое присутствие, есть не более чем кошмар!

— Неужели дамы внушают вам столь великий ужас? — промолвила девушка, возникая из воды по пояс довольно внезапно, представляя взору капитана мокрую ткань ночной рубашки, ставшая вдруг прозрачной от воды. Что позволяло капитану в лунном свете разглядеть каждый изгиб её стана с той откровенностью, какая не позволительна даже в самых смелых снах. Но, казалось, саму особу это нисколько не смутило. Хоть и звезды вместе с ночным светилом озаряли побережье, света их было недостаточно для того, чтобы любая откровенность могла посрамить её честь.

Кристофер с непривычной резкостью отвернулся впервые за долгие шесть лет разгульной жизни. Женское тело давно перестало волновать его, будоражить кровь и пробуждать в нём того прежнего джентльмена, что был готов свернуть горы и положить мир к ногам прекрасной дамы. Но теперь лицо его пылало, а кровь прилила не только к щекам, заставляя пирата мысленно корить себя за эту слабость. Вновь какая-то женщина заставила его утратить над собой контроль, что он столь тщательно обуздывал все эти годы. Теперь он как мальчишка, который не знает, как унять своё сердце, при

виде любимого, но вредного лакомства.

— Чёрт побери, что с тобой не так?! — выпалил Бойд, сжимая кулаки. — Окажись на моем месте кто-то из моих подчиненных, а не человек, еще сохранивший остатки приличий, тебе пришлось бы горько раскаиваться в столь вольном поведении!

Переведя дух и уже более спокойно:

— Быть может, мне и вправду следует предоставить тебя обществу моей команды. Уж они-то знают, как образумить особ, забывающих о должной сдержанности!

Девушка на мгновение обнаружила лёгкое замешательство, и рука её непроизвольно дрогнула, будто намереваясь исправить столь вольное расположение ткани. Однако жест остался незавершённым. Вместо того чтобы уступить смущению, она выпрямила стан с тем врождённым достоинством, что свойственно лишь особо царственным натурам, и взгляд её приобрёл твёрдость. Далее последовало разъяснение, изложенное с той безупречной логикой, что не оставляет пространства для возражений: недостойные помыслы, рождаемые в мужском сознании при виде женской природы, чья проблема, по её мнению, исключительно мужского воспитания, но отнюдь не женской нравственности. Поскольку он находится на земле, где она является полноправной хозяйкой, а он лишь временным гостем, и учитывая, что местные обычаи не придают телесной нагоде столь пагубного значения, то бремя самообладания всецело лежит на нём. За-

вершила же она свою речь возвышенным замечанием о том, что истинный джентльмен при любых, даже самых двусмысленных обстоятельствах, обязан блюсти честь как собственную, так и дамы, удостоившей его своим обществом. Неспособность же подчинить низменные порывы благородству души есть, по её словам, наивеличайший позор, какой только может запятнать репутацию человека, претендующего на звание благородного.

Так же она добавила:

— За весь вечер вы столько раз сделали ударение на своей принадлежности к мужчинам, что хочу заверить вас: мужчиной мало родиться, это звание нужно заслужить. А я уверена, уж тем более на вашем корабле такой чести никто не удосужился!

— Я готов сию же минуту доказать обратное!

В глазах пирата вспыхнул тот низменный огонь, что способен заставить любую даму содрогнуться, и даже в скудном лунном свете незнакомка без труда разглядела его.

— Быть может, когда-нибудь при иных обстоятельствах я снизойду до объяснений, каков истинный мужчина в представлении женщин. Но будьте уверены: ваши нынешние помыслы не имеют с этим ничего общего. Советую освежить лицо и обрести рассудок, сэр! — с этими словами она плеснула водой в его сторону, вновь растворяясь в солёной пучине.

— Ты думаешь, что сможешь просто так уйти?!

Девушка вынырнула неподалеку от берега и не собираясь отступать, ответила с вызовом:

— Ежели до вашего ума еще не дошло, то знайте: я не из тех, кого способны утратить угрозы! Вы далеко не единственный, кому знакомо искусство боя! И в данных обстоятельствах ваша физическая мощь и, как я полагала, неповоротливость оказываются совершенно бесполезны!

Она метнула в него горсть воды, но Бойд оказался готов к такому выпадку. Капитан увернулся с той самой проворностью, что опровергала все её предыдущие обвинения. В ответ он вновь скрылся под водой и, ухватив её за лодыжку, притянул к себе. Девушка принялась барахтаться, прилагая все силы, чтобы высвободиться, но Кристофер прижал её хрупкий стан к своей мощной груди. Почувствовав, что воздух на исходе, он вынырнул, по-прежнему удерживая пленницу в своих объятиях, и сделал несколько тяжёлых вдохов.

— А кто, позволь узнать, утверждал, что я неповоротлив? Быть может, это ты чересчур болтлива?

Лицо незнакомки оказалось опасно близко к его лицу. Она взглянула на капитана с неожиданным одобрением и, повторив его улыбку, прошептала так, что её дыхание коснулось его губ, вызвав лёгкое покалывание на коже:

— Вы не столь безнадёжны в роли пирата, как могло показаться вначале.

Кристофер едва сдержал порыв смеха, внезапно подступивший к горлу. Эта фраза позабавила его всерьёз. Давно

ему не встречалось столь причудливое сочетание дерзости и ангельской утонченности.

Чувствуя, как сильное желание поцеловать незнакомку все больше завладевает капитана, Кристофер резко оттолкнул от себя девушку, отплывая от нее как от чумы.

— К моему глубокому разочарованию, манерами вы всё же не обладаете, — почеркнула особа, как грубо повёл с ней пират.

— Не буду вас переубеждать! — отрезал Бойд, устремив весь свой горящий взор в сторону собеседницы. — А лучше всего попытаюсь убедиться в реальности происходящего и развеять призрачное наваждение.

— Почему вы так уверены, что это сон? И даже будь то сон, что заставляет вас так упорно стремиться к пробуждению?

— В жизни я держу все под контролем, особенно свои эмоции. Здесь же, я с ужасом ощущаю, как эта власть ускользает от меня.

Бойд глядел на незнакомку глубоко дыша, она же в свою очередь сделала один шаг навстречу, с огромным желанием изучить пирата:

— Но что, если вы никогда не очнётесь? — предположила она.

— Если я не проснусь, значит, я подчиню этот странный сон и вновь возьму контроль в свои руки!

Незнакомка сделала еще один шаг, оказавшись на рассто-

янии вытянутой руки. Ее глаза блестели, как звезды в ночном небе.

И тогда она вновь спросила:

— И когда же вы изволите отдыхать, ежели даже во сне все стремитесь контролировать?

Он погрузился в молчание, и его мысли, подобно узникам, заточенным в тесной клетке, метались в тщетной попытке обрести свободу. Вопрос, ею заданный, коснулся самой сокровенной струны его души. Бойд всегда стремился к контролю, с того самого дня, как он юношей отплыл от родных берегов Англии и вручил свою судьбу в руки чужаков. И это непомерное желание еще больше усилилось после предательства той, кому он доверял больше, чем себе. Но об этом чуть позже.

— Я не отдыхаю! — наконец изрек он. — Я просто привык быть на чеку. Я все-таки пират и отдыха в такой жизни не место. Если я отпущу контроль, все может пойти не по плану и тогда я проиграю.

Смысл игры, о коей вещал капитан, оставался сокрыт в глубинах его собственного разумения. Однако юная особа не сочла нужным вдаваться в тонкости. Вместо того она сделала ещё два шага навстречу и легчайшим прикосновением кончиков пальцев провела по мокрой от морской воды ткани его рубашки. Сей жест, бесспорно, преступал все мыслимые границы приличий, но, надо признать, дама давно перестала притворяться благовоспитанной светской девицей. Жизнь

на отдалённом острове, лишённая общества себе подобных, не могла не наложить отпечаток на её манеры, как и юный возраст, что всё настойчивее пробуждал в ней грезы о сильных руках, пылком сердце и той единственной страсти, что обещает стать подлинной любовью. Ей уже как пару лет отсрочило восемнадцать и в приличном обществе её бы застыдили, узнав, что у неё так и не появился джентельмен, который одаривал бы своим вниманием и ухаживанием, а позже попросил её руки. На это она уже давно не смела надеяться. С тех самых пор, как оказалась на острове вдали от цивилизации.

— Отдаёшь ли ты отчета своим действиям? — схватил за тонкое запястье незнакомки пират, с прищуром глядя на нее исподлобья.

— Если вы столь уверены в призрачности сего мгновения, то позвольте напомнить: во сне невозможно обрести поражение. Что станется с вашей доблестью, коли вы позволите себе хотя бы на миг отбросить бремя самоконтроля в этом мнимом мире?

Бойд разжал пальцы, освобождая руку богине сновидения. И скрестив руки на груди, спросил:

— И что же вы предлагаете, мадемуазель, в этом царстве миражей?

Девушка загадочно приподняла бровь и с брызгами выбежала на берег, кружась вокруг своей оси с распростертыми руками и запрокинутой головой.

Она смотрела на ночной небо, приговаривая:

— Какие сегодня яркие звезды! Вы только взгляните! — воскликнула она.

Капитан поднял голову и узрел привычную черноту, усыпанную бесчисленными алмазами, кои ему доводилось лицезреть бессчётные ночи у судового штурвала, не находя ничего привлекательного в данном зрелище. Юная особа меж тем возлегла на спину, коснувшись ночной рубашкой холодного влажного песка, и жестом пригласила пирата последовать её примеру.

— Присоединяйтесь, и позвольте покрывалу ночи хотя бы на миг отринуть бремя забот.

С изначальной нерешительностью, но в конечном счёте уступив её призыву, Кристофер Бойд опустился на песок рядом с загадочной незнакомкой. И на несколько мгновений воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь ласковым шепотом ветра и размеренным дыханием моря, чьи волны, казалось, с бесконечной нежностью касались берега. Капитан нарушил молчание, не меняя положения и устремив взор в звёздную высь, заметив, что не припоминает столь безмятежных сновидений за всю свою полную тревог жизнь. Его собеседница, в свою очередь, обратила к нему лицо, созерцая его чёткий профиль, и осмелилась предположить, что происходящее, быть может, и не является игрой его воображения. На это пират, встретив её взгляд, ответил с присущей ему мрачной иронией, что в таком случае ему, вероят-

нее всего, остаётся лишь заключить о своей кончине и пребывании в лучшем из миров.

Беседа на том и завершилась.

Они продолжали лежать в безмолвном созерцании, пока тяготы долгого дня не одолели капитана, и веки его, наконец, сомкнулись, погрузив его на сей раз в подлинный и глубокий сон, под аккомпанемент вечного шепота прибоя.

III Глава

Провести ночь под открытым небом для капитана Кристофера Бойда и его команды не составляло новизны.

С первыми лучами солнца, золотящими горизонт, матросы отправились на поиски пресной воды. Капитан указал им на пещеру, замеченную им накануне во время одинокой прогулки, а сам вместе с прочими членами экипажа приступил к розыскам вождя сего острова.

Мысль о том, что встреча с таинственной незнакомкой была не более чем миражом, нашла неожиданное подтверждение в словах боцмана, который также видел некую женскую фигуру, наблюдавшую за ними из-за прибрежных зарослей. Впрочем, оба сошлись во мнении, что едва ли на столь заброшенном клочке суши могла обитать юная леди, не только бесстрашно разгуливающая по ночам, но и обладающая достаточной смелостью, чтобы препираться с пиратом на безупречном английском. Такая практичная версия

вполне устраивала капитана, хотя в глубине души он ощутил нечто, сродни лёгкому уколу разочарования. Окажись подобная дама порождением не сна, а явью, кто знает, быть может, ему бы и впрямь захотелось посвятить время более близкому знакомству со столь неординарной натурой.

Островной пейзаж являл собою полотно, щедро расписанное сочными зелёными красками: изумрудные кроны деревьев, увитые лианами, и рептилии, почти сливающиеся с этой буйной растительностью. Местность была наполнена перекликаньем попугаев, а также неустанным стрекотом невидимых насекомых.

Преодолев частую завесу лиан, пираты увидели величественный водопад, нетронутый человеческой рукой. Струи воды, сверкающие в солнечных лучах, с оглушительным рёвом разбивались о камни, рождая облака ослепительно белой пены. Всё вокруг утопало в зелени. Пышные деревья и экзотические цветы покоились в тени, ласкаемые прохладным бризом.

Подобная картина вновь навела на членов команды «Кровавого Возмездия» мысль, что старик их жестоко обманул, ибо столь девственная красота не могла бы сохраниться, имея она несчастье находиться вблизи человеческого общества.

Мужчины направились дальше и после часа блужданий по влажной чаще обнаружили поселение, чьи строения столь искусно сливались с пейзажем, что их можно было при-

нять за творение самой природы. Жилища, сооружённые из бамбука, пальмовых листьев и речного камня, образовывали круглую площадь, где царил образцовый порядок, свидетельствующий, всё же, о развитом общественном укладе.

При появлении чужеземцев жители острова, чья тёмная кожа отливала на солнце подобно полированному эбеновому дереву, с организованной быстротой оставили свои занятия. Их отступление сопровождалось ритмичными возгласами, более похожими на отработанные сигналы, нежели на проявления паники.

Особое внимание команды привлекли разложенные у одной из хижин предметы. То были резные музыкальные инструменты и, что казалось совершенно невероятным, несколько потрёпанных фолиантов в кожаных переплётках. Зрелище рождало множество вопросов о природе сего сообщества, чьи культурные проявления столь разительно противоречили образу дикарей-каннибалов, коих мореплаватели обычно встречали на столь отдалённых островах.

Кристофер шагнул ближе к загадочной хижине, отличавшейся необычайной опрятностью и даже некоторым подобием убранства.

Неподалеку от хижины под высокой пальмой находилось нечто вроде скамьи, сложенной из камней, подлокотники которой, были выполнены из костей неизвестного существа, но причудливо украшенные свежими цветами и алой атласной лентой. На сей импровизированной мебели покоился том в

потёртом тёмно-зелёном сафьяновом переплёте, на корешке мерцало бронзовое тиснение, изображавшее затейливые арабески, обрамлявшие имя автора.

— Кристофер Марло? — изрёк пират с нескрываемым изумлением, взирая на драгоценную находку.

Взор его с недоумением скользнул по окружающему пейзажу, тщетно отыскивая хоть малейшую связь меж дикарским поселением и творением елизаветинского драматурга.

Затем, вновь обратившись к книге, он прочёл название: «Трагическая история доктора Фауста»!

Пролистав несколько страниц и убедившись в подлинности литературного сокровища, он не удержался от нового восклицания:

— И на языке Шекспира! Полагаю, подобная реликвия принадлежала какому-то несчастному путешественнику, чьи земные странности преждевременно завершились в котле островитян.

Посчитав книгу законным трофеем, Бойд с подобающей бережностью упрятал её за полу своего дублета, дабы продолжить исследование противоречивого поселения, где дикарские нравы, казалось, необъяснимым образом сочетались с признаками просвещённого вкуса.

Пираты шли с уверенными шагами, взгляды многих были полны жадности и ожидания скорейшего боя.

Двигаясь дальше по небольшому и достаточно бедному поселению, они вновь набрали на местных жителей, те были

одетые в простые ткани, шею и отвисшие мочки украшали яркие бусы и серьги. Это были женщины. Они остановились и с любопытством уставились на незваных гостей.

Рамон, наклонив голову к капитану, еле слышно шепнул ему в ухо, не сводя свой черный взор с туземцев:

— Похоже, старик не соврал.

Бойд прищурил глаза, внимательно осматривая окружающий пейзаж, словно искал подтверждение слов квартирмейстера в каждом движении местных жителей.

Его губы слегка сжались, когда он произнес:

— Однако нельзя не заметить, что здешние обитатели отнюдь не купаются в роскоши. Сомневаюсь, что местный правитель располагает средствами, способными удовлетворить наши притязания.

— Зато здесь определённо водятся женщины! — воскликнул один из матросов с той непосредственностью, что свойственна людям его круга. — А значит, значимое для нас вознаграждение мы непременно получим.

Кристоферу приходилось мириться с чрезмерной привязанностью своей команды к прелестям слабого пола, — такова была цена их верности. И хоть убеждения экипажа отнюдь не совпадали с его собственным, сам капитан не смел навязывать им свою волю. Потому общество разделилось: капитан отправился на поиски вождя, тогда как его подчинённые с единомыслием начали розыски представительниц прекрасного пола.

Захватив нескольких островитян для допроса, джентльмены удачи с изрядным трудом смогли установить, что верховный правитель действительно пребывает на острове и недавно выдал свою старшую дочь замуж. Однако ни о каком испанском портном туземцы не слыхали, а что касается брачных обычаев, то по местным ритуалам невеста вступает в брачный союз в том виде, в каком явилась на свет без всяких покровов, а потому чертёж в руках пирата им был неведом и смысл его совершенно непонятен. Капитан же отметил, что поведение некоторых островитян было слишком дерганым и вероятно что-то скрывающим.

Боцман позволил себе выразить сомнение в порядочности Томаса Карлсона весьма образным, хотя и не вполне изысканным жестом. Однако капитан Бойд, чей ум обладал необходимой проницательностью, призвал его не спешить с осуждением, указав на возможные погрешности в переводе с местного наречия. Кристофер счёл необходимым лично побеседовать с вождём, дабы удостовериться, имел ли тот когда-либо контакт с испанским торговцем.

Возникал резонный вопрос: каким иным образом господин Карлсон мог располагать столь специфическими сведениями о семейных делах правителя острова? Боцман, признав логику капитана, поинтересовался дальнейшими планами на случай разгадки этой тайны. На что получил хладнокровный ответ: если всё окажется ложью, то капитан отдаст приказ взять с острова всё, что обладает хоть какой-то

ценностью и поддаётся транспортировке: провизию, ткани, скромные украшения, а также прихватят парочку аборигенов с собой в морское плавание, чтобы позже продать их как рабов.

Матросы согласились и посчитали разумнее следовать осторожной тактике. Скрытное наблюдение куда разумнее открытой конфронтации.

Проследив за группой аборигенов, проявлявших заметную озабоченность, они достигли сердцевины поселения, где их взорам предстала небольшая арена. На ней пираты и обнаружили вождя племени, который восседал на сооружении, чья природа заставляла даже самых бывалых моряков содрогнуться. Трон был искусно собран из человеческих останков, а бесчисленные зубы, собранные в бусы и, сверкавшие подобно перламутру, создавали зловещий контраст с тёмной костью. Иссохшее тело вождя, цвета угля, сплошь покрывали замысловатые узоры, и лишь набедренная повязка скрывала то, что приличия велют скрывать. Длинные, спутанные в подобие кос волосы ниспадали на тощую грудь подобно морским водорослям.

При виде незваных гостей старец востропнулся, и в его потухшем взоре вспыхнула тревога. Голосом, похожим на скрип старого дерева, он изрёк на ломаном испанском наречии:

— Кто вы?

Неожиданное обращение на языке цивилизованного мира

подтвердило догадку Бойда, что властитель диковинного народа всё же имел контакты с внешним миром и, возможно, именно с тем самым испанским портным, что завёл их в сии на вид бедные и негостеприимные земли.

Согласно неписаным законам морей, Кристофер обычно не утруждал себя церемониями представления. Его имя и алые паруса служили достаточной визитной карточкой от Карибских вод до Гибралтарского пролива. И потому слово взял его верный спутник и правая рука, Рамон Эррера, обращаясь к правителю острова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.